Академия Истины

Автор:
Виктория Карелова

Академия Истины

Виктория Карелова

Волшебная академия (АСТ)Путь ведьмы #1

Каждый год в середине лета Академия Истины приглашает юношей и девушек пройти обучение. Получает вожделенный черный конверт с золотыми буквами и Феодоссия Ролло, скромная девушка из глубинки. Для ее семьи это становится спасением – род давно обеднел, маги не рождались уже семь поколений. Чтобы достойно проводить Феодоссию в академию, девять младших сестер добровольно расстаются с приданым, отдают кружева и жемчуг, но она все равно оказывается белой вороной.

После заселения в общежитие юная магиня начинает слышать голоса и видеть странные сны про таинственную башню и мужчину с глазами цвета ночи. Сможет ли она распорядиться даром богов так, чтобы выполнить их волю, но в то же время не отказаться от своих принципов?

Виктория Карелова

Академия Истины

Глава 1

Макушка лета

– Фея, Фея, иди сюда скорей! – Заполошный крик матери внезапно разбил хрустальную красоту сна.

– Что… что стряслось? – хрипло пробормотала я, приподнимаясь на локте и пытаясь разглядеть что-нибудь в полумраке комнаты.

– Ох, неужто с девочками что-то? – заворочалась рядом Дора.

А мама продолжала звать меня со двора, нимало не смущаясь, что перебудит не только весь дом, но и окрестный лес.

Мы с Дорой одновременно стряхнули с себя остатки сна и кинулись к двери, путаясь в подолах длинных ночных сорочек.

– Иду, иду, матушка! – крикнула я, повернув голову к распахнутому окну, и чуть не упала, запнувшись о половик. Спасибо Доре – поддержала.

У лестницы мы столкнулись с выскочившими из своей светелки Евой и Сией.

– Что такое, Фея? Что стряслось? – загалдели девочки наперебой, вцепившись мне в руки.

– Ш-ш-ш, а ну, успокоились! – приструнила я сестренок. – Еще не хватало с лестницы навернуться в суматохе. Не знаю пока ничего. Никифор Иваныч, посвети нам, пожалуйста, – уже поспокойней обратилась к домовому.

Послушно затеплились лучинки в светцах, позволяя с трудом разглядеть ступени. Мы потопали вниз, сопровождаемые скрипом половиц и многоголосым ревом из малышовой горницы.

– Я к девочкам, успокою, – метнулась назад, к двери в детскую Дора. Вот уж на кого всегда можно положиться! Что бы вокруг ни происходило, моя дружечка делает именно то, что необходимо больше всего.

Мы же с сестрами споро спустились на первый этаж и побежали к выходу на крыльцо, откуда доносился голос матери, что-то жарко втолковывающей отцу.

– Что? Что, матушка? – почти одновременно выдохнули мы втроем, с беспокойством озирая двор.

– Фея, душечка, смотри, что лежит. – Она указала пальцем вниз, взирая на меня с такой надеждой, будто я сама Великая Веритассия.

На ступеньке крыльца в предрассветных сумерках был четко виден темный прямоугольник. Сделав шаг вперед, я наклонилась и разглядела начертанные на нем золотыми буквами слова: Феодоссия Ролло. Это мое имя. И значить это может только одно…

– Открывай же, открывай скорей, доченька! Я девятнадцать лет молилась об этом дне! – Мама испуганно хлопнула себя ладошками по щекам. – А вдруг это ошибка? Вдруг там что-то другое?

Меж тем я бережно подняла конверт и провела пальцем по золотистой строчке. Бумага послушно развернулась и явила нашим жадным взорам письмо. С трудом разобрав буквы, я ошарашенно произнесла:

– Меня приглашают в Академию!

А больше ничего сказать и не успела, чуть не оглохнув от визга сестер. Мама выдернула листок из моих рук и принялась вчитываться в написанное, я же ошалело плюхнулась на ступеньку и уставилась на розовеющее небо.

Вообще-то восторг моих родных понять можно: уже семь поколений в нашей семье не рождалось благословленных богиней. Наш род и в старину не отличался высоким уровнем магии: говорят, это все из-за браков с простолюдинками. Способность к магии передается исключительно с кровью дворянских фамилий, основатели которых были удостоены поцелуя Великой Веритассии. Далеко не все дети в роду рождаются с даром, но у кого именно проявятся истинные способности, заранее вычислить невозможно. Иногда случается и такое, что дар обнаруживается у простых людей. Это значит, у кого-то из их предков была связь с дворянином. А у моих пращуров, наоборот, была склонность жениться по любви, а не по долгу крови. Вот и брали они жен, не

глядя на наличие герба. Моя маменька вот из семьи торговцев. А отец – дворянин, хоть и обедневший, если не сказать – обнищавший. Нет, его вины в сложившемся положении не было: все состояние рода Ролло промотали задолго до рождения отца. Никто же не мог предположить, что магов у нас не будет много-много лет, вот и тратили денежки, не задумываясь. А благосостояние дворянского рода зиждется именно на магах, ведь аристократу зазорно работать кем-то, кроме истинника. Постепенно фамилия приходила в упадок, и вот сейчас остались только мы: последние представители некогда славного рода. Отец даже попрал все устои, согласившись служить лесничим. Если бы не его жалованье да богатое приданое мамули, мы бы жили впроголодь. А так – хватало.

Гораздо хуже было, что у родителей до сих пор не получилось завести сына: титул передавался только по мужской линии, так что без наследника наш род был обречен. О нет, мама с папой очень старались: примерно раз в два года производя на свет младенца. Но рождались только девочки. Самая младшая пришла в этот мир всего три месяца назад. Ну, а я – старшая. А всего нас – десять сестер.

Мне всегда казалось странным и непонятным, отчего Великая Веритассия, провозгласившая истинными лишь браки по обоюдной любви, так жестоко обошлась с родом Ролло, на протяжении столетий свято блюдшим этот завет? Мои родители и по сию пору нежно любят друг друга. Деды и прадеды наверняка тоже любили своих жен, раз уж отказывались от выгодных аристократических партий. Мы вообще отличаемся очень традиционным укладом жизни: носим самую простую одежду, не гоняясь за веяниями моды, питаемся издревле известными продуктами, и имена у нас старинные, родовые, хотя даже крестьяне уже так не называют детей. Однако же именно наша фамилия вот-вот угаснет в глуши и забвении.

Живем мы почти на самом краю мира, на лесной заимке, откуда даже до ближайшего хуторка идти больше часа. До самого близкого города добраться можно лишь с помощью портального амулета. Точнее, пешком или на лошади тоже можно, разумеется, вот только никто никогда не мерил, сколько времени займет такой путь. Отец там когда-то жил, мама – тоже, а мы с сестрами родились уже здесь, в тереме, выделенном отцу лесничеством.

Нет, дом у нас прекрасный, и домовой с кикиморой есть, и банник, и скотину держим, и огород. Только вот живем мы совсем как крестьяне. Родителям это

непросто дается, хотя они не жалуются и все для нас стараются сделать. Читать нас выучили, манеры постарались привить, хотя последнее у них вряд ли получилось, а уж грамоты лучше бы нам и вовсе не разуметь. Книг у нас немного, но в тех, что есть, описывается совсем иная жизнь, словно бы не от мира сего. Там никому не надо работать, а у девушек всегда есть поклонники… Мы же с утра до ночи трудимся: домовой ведь не может за таким большим хозяйством без магических предметов уследить. А уж поклонникам тут и взяться неоткуда, если только медведь забредет.

– Доченька, я так рад за тебя! – Отец присел рядом со мной, нежно потрепав по плечу. – Всегда знал, что ты у нас особенная.

– А я пока даже не знаю, рада ли. Удивлена очень. Я и позабыла, что нынче липень начинается. – Сладкий медовый аромат расцветающих лип так и щекотал ноздри.

– Устала вчера? – как-то смущенно посмотрел отец.

– Немного, батюшка, кружева плела допоздна, больно красивый узор придумался. – Я невольно зевнула.

– Фея, ясочка моя, что ж ты сидишь, – вклинилась в разговор матушка, – надо ж срочно поутренять да заняться осмотром припасов, – мой недоуменный взгляд, кажется, придал матери дополнительной экзальтации, – ах, как же ты не понимаешь, это же столица, там все совсем иначе! Люди первым делом смотрят не на дела твои, а на одежду. И цены там совершенно безумные. Надо собрать тебе самый лучший гардероб!

Я сильно сомневалась, что у нас найдутся наряды, хотя бы отдаленно напоминающие те, что носят в столице. На прошлогодней ярмарке проезжий купец показывал картинки с новомодными дамскими туалетами. Судя по написанным на картинках цифрам, новомодными эти туалеты были года три назад, но все равно народ глядел на них как на диво.

Выпотрошив содержимое всех сундуков, матушка была вынуждена признать поражение: все это было вполне пригодно для ближайших окрестностей, но совершенно не годилось для столицы.

– Маменька, а если наше приданое перебрать? – робко заметила Дора, вернувшись в дом с очередным матрасом, туго набитым свежим сеном. Обычные усадебные работы не могли ждать, пока новоявленная магиня отбудет в Академию, так что вся семья усердно трудилась, пока мы с матерью сортировали ткани.

– Ох, приданое, я даже и не знаю, милая, – как-то затравленно пробормотала мама. – Сможем ли мы собрать вам новое?

– Так ведь Фее сейчас нужней! А я все равно в ближайшие два года замуж не выйду. Откроется ли у кого-нибудь из нас дар – неизвестно. А у нас там все самое лучшее собрано. Вот и получается… – сбивчиво затараторила сестренка.

Нам и впрямь начинали собирать приданое чуть ли не с рождения. Самые красивые ткани, самое тонкое кружево, самые богатые вышивки, самые дорогие пуговицы, в общем, все самое-самое собиралось в рундуки под кроватями. Кроме того, у родителей было заведено дарить нам на новогодье по жемчужинке. Правда, поскольку нас становилось все больше и больше, а денег в семье не прибавлялось, жемчуг постепенно становился все мельче, но у нас с Дорой, как у старших, было по несколько весьма крупных перлов. А изо всех имеющихся в наличии жемчужин можно было собрать весьма богатое ожерелье.

– Матушка, не надо, – запротестовала я. – Ведь из Академии вылететь легче легкого. Как я потом девчатам в глаза смотреть буду? Пусть приданое при них останется, а я и своим платьем обойдусь. Не важно, кто там как на меня смотреть вздумает.

– Великая Веритассия, какие же вы у меня хорошие выросли. – На глаза матери навернулись слезы. – Фея, доченька, послушай меня: Дора права, кто знает, будет ли у девочек дар, так что на тебя вся надежда – приложи все усилия, чтобы выучиться, но тебе будет тяжело, я понимаю. Мы не смогли дать тебе хорошего образования, прости, милая! Но ты же красавица у нас, может, в столице в тебя влюбится хороший человек с достатком, и ты выйдешь за него замуж. А еще, я слышала, при Академии можно работать остаться, если дар есть, а учеба не по силам пришлась. Доченька, ясочка, не упусти свой шанс, удержись в столице, мы скучать будем, но оттуда у тебя будет возможность девочкам помочь. Мы-то с отцом обойдемся, лишь бы вы в люди вышли. – Тут маменька уже откровенно заплакала, обнимая нас с сестрой.

Переворошив рундуки с приданым, мама удовлетворенно кивнула и заявила, что все гораздо лучше, чем она ожидала. И незамедлительно составила план действий, охватывающий всю работоспособную часть нашего шумного семейства. Должна заметить, что нам сильно повезло: Великая Веритассия в мудрости своей одарила нас всех рукодельными талантами. Мы, конечно же, все умели и шить, и вязать, и стряпать, без этого не прожить в такой глухомани, но каким-то одним ремеслом каждая из нас владела просто виртуозно: во всей волости не было лучшей вышивальщицы, чем Дора, ее рушники и вышиванки на уездной ярмарке разлетались шибче горячих пирожков. Ева умела из самых бросовых обрезков создать такой красоты кокошник, что все только диву давались. Сия из бисера и ниток плела опояски, достойные любой столичной аристократки. Мама лучше всех в округе шила, ну а моим коньком были кружева.

Признаться, мы редко носили всю эту красоту: попробуй полазать по кустам за убежавшей несушкой в длиннополом наряде с кружевами – и следа от красоты не останется. Так что плоды трудов наших почти все время пылились в сундуках либо же обменивались на что-то более насущное. А ходили мы по-простому: нижняя рубаха из небеленого полотна, а поверх нее – запона, окрашенная в отваре луковой шелухи. Такое-то платьишко и десятилетняя Маняша могла сшить: берешь отрез ткани по росту, перегибаешь пополам, да прорезаешь на сгибе отверстие для головы. Потом, конечно, подрубить надобно, но это дело нехитрое. А подпоясывались, как правило, обычной веревкой.

Конечно, Великая Веритассия не зря заповедовала дочерям своим носить до вступления в брак девичью опояску – очень длинный кушак, свободно перехлестнутый на животе, концами достающий до подола одежды, – но в лесу, да и в поле это было жутко неудобно: за все цепляешься. Вот потому-то дивные творения Сии мы надевали только на ярмарку да иногда по праздникам. В столице же мне явно придется облачаться более строго.

Матушка постановила, что до ветрогона мы успеем сделать пять нарядов: от самого простого на каждый день до праздничного, в котором не стыдно будет показаться в столичном Храме Великой Веритассии. Конечно, еще нужна теплая одежда на зиму, но тут я была спокойна: что бы там ни носили городские модницы, а шубка с муфтой у меня превосходные, не зря же отец – один из лучших охотников во всем лесничестве.

Батюшку, кстати, отправили на пасечный хутор, к нашим ближайшим соседям. Там жили три семьи, с которыми мы поддерживали дружеские отношения.

Сложно прожить без подмоги, когда людей нету на много верст окрест. Вот мы и помогали друг дружке: обменивались товарами, вместе заготовляли дрова, вместе ездили на ярмарку. Они с радостью брали у нас дичь и пушнину, набитые отцом, дикоросы, которыми нас щедро снабжал леший, целебные травы, выращиваемые маменькой в парничке, и кружева с вышивками. На хуторе же было вдоволь коровьего молока (мы-то корову держать не могли, на нее сена не напасешься, обходились козами), гусей и уток (их мы тоже не заводили, наш родник для плаванья не годился), меда и яблок. А кроме того баушка Феня была мастерица вязать тончайшие шали из мягкой шерсти: на вид ажурные, словно кружево, но теплые, будто печной бок. Вот и сейчас отца снарядили заказать мне к отбытию пару новых шалочек поизящнее, а если удастся, еще и сторговать хорошего полотна на рубашки. Я же снабдила посланца плотным мешочком сушеного зверобоя для баушки: у нее часто стала болеть голова, а зверобоевый чай от этого недуга хорошо помогает.

К концу дня все так устали от суеты и переживаний, что просто с ног валились. Младшие уснули, даже не дождавшись возвращения отца, мы же с матерью и тремя сестрами не могли упустить возможности послушать новости. Папенька вернулся уже на закате, вечерять отказался, поскольку уже поел с хуторскими, а вот перед чабрецовым чаем не устоял.

Пригласив к столу Никифора Иваныча с Авдотьей Михалной, мы собрались у самовара. Домовой и кикимора считались кем-то вроде прислуги, но мы просто не могли так относиться к нашим главным помощникам. За те годы, что мы прожили в казенной избушке, эти «низшие существа» не раз показывали себя мудрыми и сердечными советчиками, научившими непутевых дворян жить в диком лесу. Без них бы мы ни за что не управились.

Вот и сейчас, выслушав обстоятельный рассказ отца о здоровье соседей и окрестные сплетни, Никифор Иваныч шумно прихлебнул чай из блюдечка и задумчиво произнес:

– А ить я одного никак в толк не возьму: ежли у девы-то нашей волшба в крови есть, так за осьмнадцать годков она уж не раз должна была о себе весть дать… Оно ж завсегда волховка к какому-нито делу особую силу кажет. А ты уж, Федосьюшка, прости меня, старика, токмо кружева плести горазда.

Тут мы все встревоженно запереглядывались, не зная, что сказать. Ведь домовой был прав: кружевниц из Академии не выпускали. Из стен этого учебного заведения выходили жрецы, лекари, ученые и прочие важные и незаменимые специалисты, но мне среди них места как-то не находилось. Мама, больше всех радовавшаяся моему вызову в столицу, испуганно залопотала:

– Но мы же не знаем толком, чему там учат! Уже давно ни один Ролло не переступал порога Академии. Может, у Феи талант, который просто не нужен в сельской жизни? Может, он такой, особый, для города!

– Можеть, можеть, – покивал седой головой Никифор Иваныч. – Но ты, Федосья, держи там ухо востро. Штой-то не ндравицца мне эта Кадемия, ишь, чего удумали, девку от дома отымать.

– Да уймись ты, Никифорушко, людям спать иттить, а ты им страсти яки-то на сон грядущий! – всплеснула руками кикимора. – Не слушай его, деточка, он тут в лесу совсем одичал, того и гляди в берлогу завалится, быдто леший какой!

Матушка тут же закрутилась, зазвенела ложечками, заворчала, что мы с сестрами еще не в постелях, но отец после слов домового как-то посмурнел и глаза прятал.

Глава 2

Банный день

Долго ли, коротко ли, а подошел к концу липень. Вчера вечером я трясущимися руками вложила в бордовый конверт Академии ответное письмо, в котором выражала согласие пройти обучение и просила снабдить меня портальным амулетом. Предложение выдать нуждающимся одноразовый амулет, рассчитанный на перенос в Академию самого неофита и той клади, которую он сможет удержать в руках, содержалось в приглашении. Матушка, явно стыдясь нашей бедности, робко попросила меня воспользоваться академическим порталом. Откровенно говоря, я даже не могла понять ее смущения: переноситься надо было через всю страну, а это огромная по нашим меркам

сумма. Я попыталась втолковать матери, что ничего зазорного здесь нет, но она все равно отводила глаза и, кажется, готова была расплакаться из-за того, что не в состоянии обеспечить дочери нормальный портал. Нет, у отца, конечно, имелись казенные амулеты, но они были строго подотчетны и рассчитаны лишь на определенное расстояние: один позволял отцу посещать остальные заимки для проверки деятельности лесников, а второй служил для экстренных случаев. Последний раз с его помощью вызывали лекаря из уездного села, когда матушка рожала Анюту. Роды-то мы и сами могли принять, но надо ж было удостовериться, что дитя здорово, наложить все необходимые заклятия, заговорить роженицу, чтоб быстрее оправлялась. А перенос неофита в Академию явно не мог считаться экстренным случаем. Теперь оставалось только ждать нового письма из столицы.

Нынче в деревнях закончили жать рожь, а в лесу началась самая что ни на есть грибная пора: мы почти всем семейством с утра ходили к лешему на поклон, только матушка с троими младшенькими оставались дома. Хозяин поворчал для виду, что мы таким выводком весь лес обездолим, но умилостивился ковригой с солью и показал роскошную полянку с крепенькими груздями. Мы корзинки еле до дома доволокли, а уж сколько времени ушло на чистку и замачивание – до самого вечера провозились!

Зато ввечеру баньку истопили, напарились, отмылись. Сразу легко так стало. Сейчас там маменька с папенькой тешились, а мы с девочками должны были дальше мне наряды готовить да за младшими приглядывать. Но Дора, добрая душа, отпустила меня посидеть в любимом местечке у родника. Очень я люблю сюда после бани прийти: тело легкое, мысли ясные, душа отдыхает под журчание воды и пение птиц. Благодать! Тут березка одна стволом изогнулась над низинкой, прям как приступочка, удобно присесть и волосы распустить по склону. Они у нас у всех длинные, моя коса почти до пяток достает, а если расплести, так и вовсе волосы по полу волочатся – расчесывать неудобно. А здесь как-то ловко получается.

Так я по волосам гребешком и водила, пока прямо над ухом кто-то не произнес:

– Доброго здоровьица тебе, Фея!

Я чуть в родник с перепугу не скатилась.

Спасибо, этот кто-то за руку удержал. Смотрю: Семен, сын пасечника с хутора. И улыбается, змей ползучий, так нахально!

– Ох, и напугал, сил нет! Разве ж можно так подкрадываться?

– А ты чего посреди леса мечтаешь? А если б не я, а, к примеру, волк подкрался, чего бы сталось?

– Караул бы кричала! – Со зла показала парню язык, а потом задумалась. – А ты откуда тут? Случилось что?

– Не, я привез, чего заказывали. Бабы тебе еще каких-то гостинцев насовали, но я не вникал.

– Так Доры разве дома нет? – встрепенулась я, порываясь бежать к девчонкам, выяснять, куда делась сестра, пока я у родника рассиживалась.

– Дома она, дома, егоза! Как бы я тебя здесь нашел, кабы она не подсказала? – снова удержал меня за руку парень.

– Ты чего, подрядился из меня заику сделать? То подкрадываешься, то баламутишь! Зачем искал-то? – вырывая локоть, возмутилась я.

– Подарок тебе привез, – отчего-то враз посерьезнев, заявил хлопец.

Только сейчас я заметила, что мой собеседник держит узелок.

– Помню я твои дары, вечно пытался мне гусеницу за шиворот сунуть. – На всякий случай отодвинулась чуть подальше.

Семен поглядел так странно, тоскливо, будто я его ударила, и тихо произнес:

– Тут вот я тебе… это… – На этом, похоже, красноречие хуторянина иссякло.

– Мне уже страшно, неужели ты на дохлую лягушку расщедрился? – попыталась я пошутить, напоминая еще об одной излюбленной проказе нашего детства.

Парень молча мотнул головой и наконец развязал узелок. В сгущающихся лесных сумерках в его руках горела красно-золотым оперением птица-заряница.

– Семен, ты рехнулся! – только и смогла ахнуть я. – Ее ж невесте после сговора дарят!

Заряниц делали мужчины для своих возлюбленных, чтобы чудесная птица охраняла избранницу от всех бед и тревог: вырезали из дерева, украшали крылья затейливой резьбой, а потом раскрашивали красной и золотой красками. Каждый старался позатейливей украсить подарок. Считалось, что сама Великая Веритассия направляла руку истинно любящего, чтобы дар любви выглядел будто живая пичуга. Заряницу полагалось подвесить под потолком при входе в дом, чтобы она сверху глядела на вошедшего: с добром ли явился али камень за пазухой прячет. У того, кто сердцем выбирал подругу, получалась заряница красоты неописуемой, а у того, кто по расчету жениться хотел, страшилище какое-то выходило, и никакие навыки резьбы по дереву тут не помогали. Потому ни в одной лавке нельзя купить заряницу, только получить из рук жениха.

Птица, которую протягивал мне сосед, была прекрасна: кажется, подкинь, и полетит, освещая лес сполохами крыльев. Но ее не полагалось дарить вот так, с бухты-барахты, только сговоренной дролечке, а родители не стали бы уговариваться о свадьбе за моей спиной.

– Я… я не могу ее взять, правда, – прошептала, недоверчиво глядя на юношу.

– Не возьмешь – выкину! – упрямо набычился парень.

– Да как же можно такую красоту выкинуть! С ума сошел? Не гневи богиню! – замахала я руками на бестолкового. – Слушай, а ты медовушки-то не перебрал, часом? Больно странно себя ведешь, – осенила меня внезапная догадка.

– Да трезвый я, трезвый! – взвыл Семен. – Хочешь, дыхну? Х-ха! Успокоилась? А птицу для тебя делал. И больше никому дарить ее не буду. Потребуется, другую сделаю, – буркнул уже обиженно.

От такого напора я прямо растерялась. Как быть-то? Не взять – нехорошо, человек старался, сразу видно, что с душой делал, от чистого сердца. А взять – это, считай, обещание дала, что замуж выйду. Семен, конечно, парень хороший:

трудолюбивый, сильный, ладный и на лицо пригож – ни оспин, ни конопушек. Вот только не люб он мне. И до сего дня я была уверена, что и он ко мне интереса не испытывает.

Мы с сестренками зимой частенько на хутор бегали, там народу побольше, повеселее. Да и летом то мы к ним, то они к нам наведывались. Но я ни разу не замечала, чтобы он выделял меня среди остальных девчат. Шутил, бывало, плясать вместе случалось, но не чаще, чем с другими. И вдруг – на тебе! Хотела, Фейка, кавалера, так кушай, не обляпайся!

Попыталась с другого бока зайти:

– Сеня, ты же понимаешь, что я в Академию уезжаю и когда вернусь – неизвестно! Может, сразу вытурят, а может, не один год там провести придется! Как ты себе это представляешь?

– Зубы не заговаривай, – оборвал мою речь хлопец. – Не вернешься ты, и мы оба это знаем. Ты себе в столице получше мужа сыщешь. Красивая ты, Фея! – С этими словами он протянул руку, отделил от моей распущенной гривы тонкую прядку и задумчиво пропустил ее между пальцами. – А оберег возьми. Просто так дарю. Без обязательств.

Чувствовала себя полной дурой: вроде и не виновата ни в чем, а на душе кошки скребут.

– А если богиня не одобрит? – робко попыталась возразить.

– Ой, можно подумать, не случается такого, чтоб девка согласилась замуж пойти, а потом передумала? Подарок-то обратно не отбирают, – пожал Семен плечами.

Я не была уверена, что положено в таком случае делать с заряницей, потому промолчала.

– Короче, бери. – И он сунул птицу мне в руки силком. – Я все сказал. Ты мне ничего не обещала. Просто на память подарил. Пошли, до двора провожу, нечего по темному лесу одной шляться.

Кое-как скрутив волосы, я послушно двинулась вслед за нежданным гостем. Так и дошли до самого терема.

Уже у крыльца Семен резко развернулся, неловко обнял меня за плечи, жарко выдохнув в ухо:

– Береги себя, красавица, – и напоследок крепко чмокнул в щеку. Рта не успела раскрыть, как он уже отцепил вожжи от гвоздочка да был таков, а я осталась стоять столбом, с трудом пытаясь осознать все странности этого вечера.

– Фея-я-я, а чего это сейчас такое было? – раздался сверху ехидный голосок Доры.

Вот попала-то, словно кур в ощип! Подняла глаза и наткнулась на насмешливый прищур стоящей на балконе сестрицы. Она явно наблюдала за нами с Семеном с того момента, как мы вышли из леса.

– Хоть ты не начинай, а? – устало взмолилась, соображая, мог ли кто-нибудь из младших нас увидеть.

– Ой, да ладно, уж и поиздеваться над родной сестрой не моги! – фыркнула Дора. Хорошо, что она девчонка не вредная, маленько поязвит и успокоится. – Что-то личико у тебя невеселое.

– Пошли в светелку, пошепчемся.

– А он что?.. А ты что?.. Да ты что! – ахала Дора, слушая мой сбивчивый рассказ и пожирая глазами заряницу, которую я теребила в руках. Нам удалось спокойно проскользнуть наверх, пока маменька возилась в клетушке, а девчонки приставали к отцу, чтоб он им соорудил колыбельку для котенка.

– Вот никогда бы не подумала, что Семен по тебе сохнет! Он вообще на влюбленного не похож.

– А ты много влюбленных видела… – почему-то оскорбилась я.

– Не очень, – признала сестрица, – но в книжках пишут, что люди, мучимые неразделенной любовью, весьма печальны и оттого часто вздыхают. А Семен твой грустным сроду не выглядел, он всегда на проказы и озорства первый.

– Твоя правда, – согласилась я. – Птицу-то куда девать?

– Спрятать! – решительно заявила Дора.

– Где? У нас не спрячешь, малые враз отыщут! Да и жалко – красивая! – Я бережно погладила яркое оперенье.

– Что есть, то есть, – авторитетно кивнула моя наперсница. – Кто бы мог подумать, что у простого человека без толики магии такая вещь выйдет! Но тогда родителям сказать придется, а они всыпать могут.

Тут оставалось только вздохнуть: маменька и впрямь под горячую руку могла отходить веревкой или крапивой по заднице. Если честно, было не столько больно, сколько обидно.

– Я вот что подумала, – продолжала меж тем Дора, – а ведь уже готовые наряды убрали в саквояж… Что, если аккуратно их вынуть и завернуть твое чудо в шубку? Вряд ли матушка захочет заново перебирать уже уложенное.

Предложение дельное. Саквояж был одним из последних магических предметов в нашей семье. Почти двадцать лет назад родители прибыли с ним на заимку. Прелесть этого раритета состояла в том, что он позволял одному человеку переносить практически неограниченное количество груза, надо было просто сложить все нужное в стопку, открыть застежку и постучать по донышку. Невозможно было перевозить только самые крупные предметы – стол или сундук, например. А вот одежды или кухонной утвари – сколько угодно. Сейчас волшебный баул передали мне, чтобы я взяла в столицу все необходимое.

Сказано – сделано. Дора попросила домочадцев нас какое-то время не беспокоить, чтобы она могла аккуратно заплести мне косу. Это и впрямь был долгий и трудоемкий процесс, требующий внимания и ловкости, так что никто не удивился, ведь снующие вокруг сестрицы могли растянуть это занятие практически до бесконечности.

Видимо, в этот день Великая Веритассия была на нашей стороне: в горницу никто не заходил, с тайной миссией мы управились почти мгновенно, так что и косу заплести успели, и секрет сохранить. Оставалось надеяться, что Семену не приспичит рассказать кому-нибудь о своем подарке.

Глава 3

Ветрогон

За домашними делами и шитьем оставшихся уборов незаметно промелькнула большая часть серпня. На калинник пришло новое послание из Академии, в которое был вложен простенький амулет из кожи. В любое время с вечера ветрогона до окончания лошадиного праздника неофитов ждут в Академии. Тем, кто желает познакомиться с городом и распорядком жизни в учебном заведении, следует прибыть как можно раньше. Питание и проживание нам обеспечат.

Учитывая, что я абсолютно ничего не знала ни о самой Академии, ни о городской жизни, мне явно надо было отправляться в путь в первый же день.

За ночь землю и деревья покрыл легкий иней, что сулило богатый урожай на будущий год. По холодку мы с девчатами сбегали в ежевичник. Я попрощалась с лешим, поблагодарила его за доброту и щедрость, он напутствовал не забывать родных и вообще не чахнуть в городе. Кроме того, подарил небольшой туесок, в котором провизия не портится.

У матушки с самого утра все из рук валилось, она и так в последнюю седмицу места себе не находила: все ей казалось, будто она передо мной виновата. Еле успокоила ее.

По-хорошему, надо было бы съездить проститься с хуторскими, но я боялась встречи с Семеном, который с того памятного вечера не давал о себе знать. Конечно, я наказала отцу и Доре передать при случае мои поклоны и пожелания счастья, но это было не совсем правильно.

День прошел в какой-то бессмысленной суете и толчее, все чувствовали себя не в своей тарелке, мешали друг другу и постоянно переругивались. Но все когда-нибудь заканчивается. Когда солнце начало клониться к земле, пришла пора прощаться.

Девочки, визжа, дружно повисли на мне, Дора обещала вспоминать меня ежедневно и писать письма, матушка плакала и призывала на меня благословение Великой Веритассии. Отец подошел последним, скупо чмокнул в макушку и воровато сунул в руку позвякивающий мешочек. Я попыталась вернуть, но он шикнул, чтобы не смела еще сильнее волновать остальных, и отошел. В последний раз окинув взглядом сгрудившихся в паре шагов от меня самых любимых на свете людей, я закрыла глаза и сжала портальный амулет.

В путь я отправилась в самом скромном из новых нарядов: на тонкую рубашку-безрукавку надевалось черное платье до пят с длинными рукавами, воронкой расширяющимися книзу, причем передняя часть рукава заканчивалась на запястье, а задняя спадала до самых колен. Работать в такой одежде было решительно невозможно, но так уж было принято одеваться среди горожанок дворянского происхождения. Единственным украшением служила опояска, по которой Сия пустила мудреный черно-белый узор. Все мои туалеты были рассчитаны на сочетание с бордовым цветом – отличительной деталью одежды магов. Никто, кроме выпускников, служащих и учащихся Академии не имел права носить бордовое. У нас в округе не продавались ни ткани, ни бисер такого оттенка, так что мне предстояло обзавестись подходящим плащом или накидкой уже в столице.

А столица встретила меня на удивление ласково: птичьими трелями и запахом влажной земли. Распахнув от удивления глаза, я сперва испугалась, что попала куда-то не туда: вокруг раскинулась кленовая рощица, под ногами ковром стелилась густая и ровная невысокая травка, а ноздри щекотал дивный дух яблоневого цвета.

«Что? Яблони в цвету в конце серпня?» – Я уже всерьез задумалась, не вызвал ли столь дальний перенос помутнения рассудка, когда из-за спины донеслось радостное восклицание:

– А вот и проспорил!

– Ничего, в следующем году отыграюсь, – буркнули в ответ.

Я развернулась на голоса и увидела двоих мужчин в полосатых черно-бордовых плащах. Один из магов шагнул ко мне и бодро произнес:

– Добро пожаловать в Академию, верита! Будьте любезны, амулет.

Только сейчас я поняла, что все еще судорожно сжимаю на груди мешочек и кожаную подвеску.

– П-простите, – выдавила, запинаясь, быстро сунула прощальный подарок отца в саквояж и стянула с шеи академическую собственность.

– Благодарю. – Продолжая довольно улыбаться, мужчина щелкнул пальцами, и амулет просто исчез. – Верите нужна помощь с багажом?

– Нет, спасибо за заботу, верит, я справлюсь.

– В таком случае пройдите в администрацию, и да пребудет Великая Веритассия к вам благосклонна! – С этими словами мужчина указал рукой налево. Я послушно повернула голову и увидела за деревьями какую-то постройку бордового цвета.

Пока шла к зданию, заметила вокруг рощицы еще дома. Значит, это что-то вроде двора. Хотя к чему такой большой двор нужен, уразуметь я не смогла: размерами это место вполне могло сравниться с уездной ярмарочной площадью. Здание, к которому меня направили, было сплошь увито каким-то ползучим растением вроде нашего хмеля, только с яркими бордовыми листочками. Из травянистой завесы выглядывали лишь окошки и дверь: массивная, двустворчатая. Я даже засомневалась, сумею ли отворить, но стоило мне потянуть за кольцо, и створка легко распахнулась.

За дверью скрывался просторный зал с огромными окнами и таким высоким потолком, какой я до сих пор видела только в уездном Храме. Зал перегораживал длиннющий стол, заваленный бумагами и книгами. За столом возились несколько женщин в полосатых накидках, покроем напоминающих запону, но покороче и полегче.

При моем появлении все они, как по команде, подняли головы и принялись изучать меня с таким видом, будто я – медведь ярмарочный. Самая старшая, носившая на носу небольшие стеклышки, поджала губы и строго подозвала меня к себе:

– Подойдите, верита! Ваше имя?

– Феодоссия Ролло, верита.

Женщина недоверчиво воззрилась на меня поверх своих стеклышек, после чего ожесточенно зашуршала бумагами на столе:

– Изумительно! В списках действительно есть Феодоссия Ролло! А я была уверена, что этот род давно прервался! – Она говорила таким тоном, будто обвиняла меня в недостаточном стремлении к смерти.

– Нет, верита, мы еще живы.

– Что ж, превосходно! Распишитесь здесь, здесь, и здесь. – Женщина протянула мне перо и ткнула пальцем в бумаги. После того как я покорно выполнила указание, мне вручили довольно увесистую книгу. – Добро пожаловать в ряды неофитов! В данном руководстве содержится вся необходимая информация о распорядке жизни и правилах поведения в Академии Веритас! Для проживания вам выделено место в комнате номер шестнадцать Яблоневого общежития. В конце руководства найдете план Академии: достаточно открыть страницу с планом, сказать, куда хотите попасть, и карта сама укажет путь. Комплект неофита получите у кастелянши. Да будет Великая Веритассия к вам благосклонна! – Оттарабанив эту речь, суровая верита потеряла ко мне всякий интерес.

Выйдя за дверь, заметила, что во дворе стало гораздо многолюднее, видимо, прибыли новые учащиеся. В толчее я боялась растеряться, так что поспешила в общежитие. Посмотреть на других неофитов было интересно, но лучше это сделать чуть позже, когда суеты будет поменьше.

Яблоневое общежитие располагалось на другом конце странного двора. И мне даже не пришлось гадать, почему его так назвали: вокруг четырехэтажного дома с двумя входами цвели яблони. Значит, запах мне не примерещился, хвала

Великой Веритассии! Это строение тоже сплошь было увито краснолистным растением, как и административное здание. Ближайшая дверь распахнулась, и на пороге показалась еще одна женщина в черно-бордовой накидке, на этот раз приземистая и крутобокая.

– Неофит? – зычно гаркнула она.

– Да, – робко приблизилась я.

– Из которой комнаты?

– Из шестнадцатой.

– Руку к двери приложи и назови имя.

– Феодоссия Ролло.

– Да, дева, веселые у тебя родственнички, гляжу. Более траченное молью имечко и придумать нельзя. Ну, а меня зовут мамаша Гурдан. Да ты не косороться, не косороться, я женщина простая, не то что эта интеллигенция, понимаешь! И сдается мне, красавица, что мы с тобой если и не из одного медвежьего угла вылезли, так уж точно из соседних. – Ворчливая тетка внезапно подмигнула. – Дома-то как звали?

– Феей.

– А вот это хорошее имя, мне нравится, как раз для тебя! Заходи, чего стоишь как оглоушенная.

Оторопев от такого напора, я бочком втиснулась в дверь.

Сени были довольно узкие, зато светлые и чистые. Стены окрашены разбеленной охрой. Мне показалось, что свет падает не из окон, а откуда-то сверху, но ни лучин, ни свечей, ни факелов не заметила. По левую руку была открытая дверь, ведущая в небольшую горницу, в глубине сеней – лестница на второй этаж, по правую руку – две двери, на ближайшей из которых красовалась цифра «четыре». Пока я оглядывалась, хозяйка вынесла из горницы стопку тканей.

– Вот, гляди, белье постельное, полотенчики, мантии: на холодную погоду и на теплую. Пользоваться аккуратно, не рвать, а то платить придется. Белье с полотенцами меняется раз в неделю, мантии – на год.

– А, вы – кастелянша! – наконец-то догадалась я.

– Вестимо, кастелянша, а ты чего думала: верит ректор, чтоб ему ни дна, ни покрышки, козьей морде? Бери, давай! Комната твоя будет на самом верху, рядом с мыльней. Так же вот руку к двери приложишь и имя назовешь, она тебя и запомнит. Я на эту верхотуру не полезу, сама справишься, не маленькая! Живу я тут, – женщина махнула на открытую горницу, – если что – обращайся.

– Спасибо, верита Гурдан, – поблагодарила я, половчее перехватывая комплект неофита.

– Ишь, вежливая какая, – хохотнула кастелянша. Когда же я пошла наверх, за спиной раздалось: –?Косища-то хороша, ух!

Кажется, мамаша Гурдан не такая строгая, как женщина из администрации.

Все этажи выглядели одинаково: по четыре двери с номерами и еще одна, видимо, в мыльню. Наверное, на первом этаже я просто не заметила одну дверь за лестницей. И везде светло, хотя огня не видать.

Добравшись до двери с номером «шестнадцать», сделала все, как учили, и створка послушно открылась.

Горница мне понравилась: просторная, в два оконца по левой стороне. Стены такого же цвета, как и в сенях, но немного светлее. У каждого окна по столу с тумбой и по табуретке со спинкой. Я такие видела в уездном селе, но забыла название. В стене напротив входа две дверки, а справа – стоят углом две кровати, застеленные бордовыми покрывалами. Значит, у меня будет соседка… Это хорошо, вдвоем веселее: есть с кем лясы поточить, да и вообще не так страшно. За дверцами скрывались маленькие клетушки, назначения которых я толком не поняла: ну, сверху-то полка – это ясно, а вот на уровне лица через всю клеть тянулась жердина со свисающими рогульками. Я даже аккуратно сняла одну рогульку и покрутила в руках, но так и не смогла уразуметь, к чему бы ее

можно приспособить.

Соседки пока не было, и я заняла ближайшую кровать. Мне все равно, на какой спать, так что если ей эта приглянется – поменяемся. Постельное белье пока отложила, вдруг перестилать придется. Осмотрела полотенца – это оказались рушники, только без вышивки, а так хорошие, мягкие. Один большой, наверное, специально для мыльни, вместо простынки. Мантиями назывались плащ и накидка, которые я уже видела на местных обитателях, только немного другой расцветки: полностью черные, но у плаща бордовый капюшон, а у накидки на спинке бордовый клин в виде заостренного вытянутого треугольника. На груди мантий был вышит герб Академии: белая книга на бордовом поле. Прикинула одежки на себя: в сочетании с платьем получилось мрачновато, зато по росту.

Решила взглянуть на мыльню, но там было очень темно, а светцов я так и не нашла. Пришлось идти к кастелянше. Пока спускалась по лестнице, отметила странность: в доме тишина стояла, как будто никто и не жил.

– Чего не так? – Кастелянша выглянула из своей горницы, как только я спустилась.

– Верита Гурдан, я не нашла нигде лучины или свечек…

– Ох ты, горе луковое, ничего-то не знаешь! Ты еще спроси, почему яблони не в пору цветут!

– А почему?

– Потому что магия! – назидательно подняла палец собеседница. – Они тут вообще все время цветут, даже под снегом. Считается, что оно вроде как красиво и способствует размышлениям. А я тебе так скажу: просто тут многим заняться нечем, вот и выдумывают незнамо что! Хотя вот со светом хорошо придумали. Гляди!

Кастелянша звонко хлопнула в ладоши, и стало гораздо темнее. Теперь сени освещались только падающими из двух окон лучами солнца. Хлопнула второй раз, и вновь зажегся невидимый светильник.

– Ты ж небось и мыльней такой никогда не пользовалась? Иди-ка, покажу!

Мыльня и впрямь оказалась самым странным помещением, которое мне только доводилось видеть: сплошь покрытая розовыми изразцами, она состояла из трех закутков. В первом были рукомойники, во втором нужник, а в третьем что-то вроде купальни. Воду сюда таскать было не нужно, она сама лилась, стоило только повернуть ручку. Мамаша Гурдан мне все показала, заставила несколько раз покрутить разные ручки и подергать за шнур в нужнике. Попытка выяснить, где находится портомойня, заставила кастеляншу басовито загоготать. Оказалось, что непонятные клетушки в комнатах называются шкафами, в них положено хранить одежду. На рогульку надевается платье, словно бы на чучело, а потом вешается на жердину. На ночь повесишь – утром все свежее и чистое.

– Домовые стирают? – обрадовалась я.

– Какие домовые, – помрачнела собеседница, – кто ж их сюда пустит? «Низшие существа», понимаешь! Магией все делается, а гонору сколько, тьфу! И ты, красава, лучше про домовых с кикиморами не заикайся – тут этого не поймут. И вообще, шла б ты ужинать, покуда столовка не закрылась! Выбор там пока не ахти, но кормят вкусно. Вот когда учебный год начнется, кухня на полную мощность работать станет.

– Верита Гурдан, а почему в доме так тихо? – Я вспомнила, что до сих пор не видела и не слышала других обитательниц.

– Это не дом, а общежитие, – поправила женщина. – Гляжу, руководство еще не прочитала. А шуметь тут некому: покамест ты одна заселилась. Не удивлюсь, если и прибыла ты одной из первых: за полторы недели до начала учебы только из самой глухомани народ тащится, остальные ближе ко Дню Приветствия подтянутся. Оболтусы, которым положено неофитов встречать, даже об заклад бьются, кто первым прибудет в нынешнем году: парень иль девка!

– Насчет оболтусов не знаю, меня встречали двое солидно выглядящих мужчин, но они и впрямь вели речь о том, что один из них проспорил.

– Эвона как! Ты самой первой к нам пожаловала! Радуйся, красавица, лучше приметы и не бывает! А насчет оболтусов даже не сомневайся: они и есть – до седых волос дожили, а все на побегушках, потому как лентяи безмозглые! –

припечатала кастелянша.

Столовая располагалась в боковой пристройке административного здания: вытянутый просторный зал был уставлен столами и скамейками, за которыми можно было разместить, наверное, всех жителей волостной деревни от мала до велика. Сейчас, впрочем, по лавкам расселись не более двух десятков человек.

На длинном столе, стоящем вдоль дальней стены помещения, были расставлены блюда с разнообразной снедью. Очередная женщина в полосатой мантии помогала накладывать пищу в миски. Выбранную еду полагалось отнести на подносах с ручками к незанятому столу, покушать, а потом вернуть поднос с опустевшими тарелками. Откровенно говоря, без помощи я бы не справилась, потому что ни одного знакомого блюда с первого взгляда не увидела. Даже хлеб здесь подавался нарезанным на маленькие прямоугольнички и затейливо разложенным в плетеночке на манер цветка. В итоге мне достались большой стакан клюквенного сока, жареная рыбица, тушеная фасоль и пара забавных пышечек, именуемых «маффинами». Несмотря на непривычный вид, еда была и впрямь очень вкусной.

Вернув поднос и поблагодарив служащую, я спросила, могу ли захватить несколько маффинов для вериты Гурдан – она отказалась идти в столовую, сославшись на необходимость «сидеть, словно собака в будке, вдруг еще кого нелегкая принесет». Раздатчица тепло улыбнулась и заметила, что мамаша Гурдан предпочитает пончики с ванильным кремом. Несколько маслянистых пышек с коричневой глазурью немедленно упаковали в кулек и вручили мне.

Получившая лакомство кастелянша шмыгнула носом и глубокомысленно изрекла:

– Хорошая ты, детка, сожрут тебя здесь! Зубы скорей отращивай!

На все мои вопросы женщина лишь ласково потрепала меня по щеке и отправила спать. Но спать пока совершенно не хотелось, так рано у нас только дети малые ложатся, так что я пошла в свою горницу разбирать вещи.

Рогульки для одежды оказались на удивление удобными, надо будет подсказать отцу, он наверняка придумает, как такие соорудить. Развесив наряды, я долго сидела на кровати, поглаживая заряницу и вспоминая родной дом. Сперва была

мысль повесить птицу на законное место, но потом постеснялась: заряница хоть и честно получена в подарок, но я все равно не могла отделаться от ощущения, будто присвоила чужое. Так и засунула красоту обратно в саквояж.

Соседки моей все еще не было, и, судя по рассказу вериты Гурдан, девушка вполне могла появиться лишь через седмицу. Так что я уже без всякого сомнения заправила облюбованную с самого начала кровать и улеглась изучать выданное в администрации руководство.

Оказывается, Академия Веритас была основана сразу же после войны богов. Я что-то слышала о той войне, но помнила лишь, что случилась она в далекой древности. О причинах битвы в книге не говорилось, зато упоминалось, что после нее мир был разделен на пятнадцать государств. Самая большая страна отошла под покровительство Великой Веритассии – богини истины. В честь небесной защитницы нашу державу назвали Веритеррой. Позднее так же поименовали и столицу. Великая покровительница нарекла жителей страны своими детьми и заповедовала нам не отступать от света истины. С тех пор из уважения к богине мы именуемся веритами. Самое уважительное обращение к мужчине в нашем обиходе – верит, а к женщине – верита.

Слово «веритас» на древнем языке богов означает «истина». Так что «Академия Веритас» – это Академия Истины. Всего здесь восемь факультетов: истинного Искусства, истинного Врачевания, истинного Служения, истинного Знания, истинного Слова, истинной Защиты, истинного Мастерства и истинного Чувства. На факультете Искусства обучаются будущие великие певцы, поэты, музыканты и художники, на факультете Врачевания – лекари всех мастей. Выпускники факультета Служения становятся жрецами, а факультета Знания – преподавателями и библиотекарями. Факультет Слова готовит будущих правителей и послов, а факультет Защиты – законников. На факультет Мастерства идут те, кто хочет стать артефактором или бытовым магом. А вот про факультет Чувства написать забыли.

Обучение в Академии делилось на четыре ступени.

Первая – неофиты Истины. Это юноши и девушки, рожденные с даром богини и достигшие восемнадцатилетия. В первый день липня все они получали приглашение в Академию. Если кто-то из приглашенных не хотел становиться истинником, достаточно было просто отказаться от обучения, но такое случалось редко. Согласившиеся учиться должны были в течение года изучать

как минимум четыре предмета по своему выбору (список прилагался и был воистину огромен, причем я не поняла в нем доброй половины слов). Отличникам выплачивалась небольшая стипендия. Учебный год для первых трех ступеней делился на два семестра. В конце каждого семестра полагалось сдавать экзамены. В руководстве говорилось, что только двадцать процентов неофитов по результатам первого года обучения переходили на вторую ступень. Остальные отсеивались. Отчисленные имели возможность остаться служить в Академии. Жили неофиты отдельно ото всех остальных учащихся – в общежитиях. Нам также предписывалось всегда и везде за пределами общежития носить мантии установленного образца, исключения делались лишь для праздничных дней.

Вторая ступень – адепты Истины. В начале учебного года они проходили посвящение в Храме Великой Веритассии, во время которого определялось, на какой факультет будет зачислен тот или иной второкурсник. Адепты переселялись из общежитий в специальные дома на территории Академии и посещали лекции уже не по собственному выбору, а по программе конкретных факультетов. Они носили мантии, правая половина которых была бордового цвета, а левая – черной. После трех лет обучения адепты получали дипломы и имели право работать магами.

Третья – эпопты Истины. Лучшие из окончивших обучение адептов имели право продолжить учебу и расширить свои знания. Эпопты жили в тех же домах, что и адепты, но носили бордовые мантии с черными капюшонами. Обучение эпоптов длилось еще два года.

И последняя, четвертая ступень – мастера Истины. Лучшие из дипломированных эпоптов могли подняться еще на одну ступень этой сложной системы. Обучение мастеров строилось по иной схеме, но длилось также два года. Мастера должны были помогать преподавателям Академии и имели право читать некоторые лекции. Мантии мастеров – бордовые с черным кантом.

Успешно поднявшийся на все четыре ступени истинник становился магистром и имел право остаться преподавать в Академии Веритас. Мантии преподавателей были полностью бордовыми. Деканы факультетов носили мантии с серебряной отделкой, а ректор Академии – с золотой. Ректор и восемь деканов считались самыми сильными магами Веритерры.

Служебный персонал Академии носил уже известные мне полосатые мантии.

Распорядок жизни здесь был прост и понятен: в восемь утра – завтрак, с девяти часов – лекции по расписанию, в час пополудни – обед, с двух часов либо лекции, либо самостоятельные занятия, в шесть часов вечера – ужин, в одиннадцать – двери общежитий закрываются.

Оставалось только понять, как тут принято сверять время. Мы привыкли ориентироваться по солнцу, но при таком вычислении всегда оставалось место для небольшой погрешности. Не забыть бы завтра спросить у мамаши Гурдан.

В оставшиеся до начала учебного года дни неофитов обещали познакомить с Академией и прилегающей к ней частью столицы, дабы мы не плутали и не опаздывали на занятия. На завтра было намечено три мероприятия: утренняя экскурсия на рыночную площадь, обед в каком-то заведении с либерьянской кухней и вечерний праздник мороженого. За обед и участие в празднике требовалось заплатить, а вот на рынок нас обещали сводить бесплатно. Я знать не знала, что такое либерьянская кухня, да и про мороженое только слышала, так что тратить деньги на всякую ерунду не собиралась – жила без этих ухищрений восемнадцать лет, как-нибудь и дальше проживу. Отец, конечно, сунул мне немного денег, но я не стану разбрасываться ими направо и налево, слишком хорошо знаю, каким трудом эти монетки достаются. Так что схожу только на рынок: и дорогу запомню, и приценюсь к товарам на будущее.

С этой мыслью я сладко зевнула, сунула книгу под кровать, хлопнула в ладоши, потушив свет, и уснула как убитая.

Глава 4

Змеев день

Закат полыхал за окном густым багрянцем, окрашивая все вокруг призрачными кровавыми сполохами. Ветер врывался в зал через балконную дверь и неистово завывал, бросая золотые кленовые листья к ногам мужчин, яростно орудующих шпагами. Взблески стали сопровождали смертельный танец, который вели две фигуры в черном. Противники кружили по залу в красноватой дымке, топча роскошь осеннего золота, и это зрелище было прекрасно и ужасно

одновременно. Но вот один из них качнулся и повалился на пол, разбрызгивая по смятой листве уже не призрачную, а вполне реальную темно-вишневую краску.

Безудержный заливистый смех раскатился под сводами зала, эхом замирая где-то в вышине. Победитель резко развернулся и легким шагом направился прямо ко мне, сияя белозубой улыбкой и стряхивая со смертоносного оружия алые капли. Сердце мое сжалось от ужаса, в горле застрял беззвучный крик. Я хотела бежать, но ноги словно приросли к мозаичному паркету.

А мужчина неумолимо приближался, продолжая веселиться. Я же не могла отвести взгляда от его бездонных темных глаз, в которых вспыхивали искры силы. Глаз цвета ночного неба.

Резким рывком я села на кровати, пытаясь рукой удержать так и рвущееся из груди сердце. Липкий пот покрывал лоб и спину, а странные глаза убийцы, кажется, продолжали наблюдать за мной. Раскатистый смех навязчиво звучал в ушах. Чтобы окончательно очухаться от ночного наваждения, пришлось хорошенько потрясти головой.

Откинув одеяло, я медленно встала и подошла к окну: над крышами Академии поднималось солнышко, заливая все вокруг прозрачным чистым светом, какой бывает лишь ранним утром на излете лета. От стекла отчетливо веяло холодком, и я с наслаждением прижалась лбом к окошку. При свете нового дня ночные страхи отступили. Приснится же такое! И ведь не видела раньше никогда шпажных поединков, откуда только сон такой взялся! Нет, у отца, конечно, шпага была: он все же дворянин, хоть и беспоместный, но надевал папенька ее, только отправляясь на ярмарку, а так она на стене висела – не на охоту ж ходить с такой тыкалкой.

Окончательно прогнав остатки сна, я решила ополоснуться. В мыльне все было непривычным и неудобным, кое-как сумела помыться, стараясь не замочить косу.

Платье и вчерашняя рубаха и впрямь оказались свежими, будто только что из-под утюга, а еще еле уловимо пахли лавандой. Я зарылась носом в складки материи, вспоминая, как матушка раскладывает по сундукам хрупкие веточки высушенной травки. Неистово захотелось обратно домой, аж глаза защипало. Вот выучусь и обязательно куплю хороший портальный амулет, чтобы как можно

чаще навещать родных.

Заняться пока было нечем, мамашу Гурдан тревожить в такую рань не хотелось (кто знает, когда тут принято просыпаться, вон, на дворе еще никого не видать), так что я вытащила из саквояжа коклюшки и валик да примостилась с ними у изголовья кровати. Было не особо удобно, так как подставка в саквояж не влезла. Ничего, авось разживусь новой со временем. А сейчас мне очень уж хотелось переплести в одном узоре кленовые листья с яблоневым цветом – как первое впечатление от Академии Веритас.

Вниз спустилась, когда с улицы стали доноситься голоса. Оказалось, что поздно вечером в Яблоневое общежитие заселилась еще одна девушка, но ее комната была на втором этаже. Поинтересовалась у вериты Гурдан, как тут определяют время, получила в ответ сочувственный взгляд и странную круглую штучку. Как я поняла, это что-то вроде ходиков, которые были у многих деревенских жителей, только совсем маленькие да без кукушки. Нам на заимке о наступлении утра сообщали птицы за окном, с ними не проспишь, так что ходиков мы не держали. А здесь вместо птичьих трелей должен был звенеть звонок. Главное, не забывать с вечера выставлять время побудки. Поблагодарив кастеляншу за нежданный подарок, я сходила поутренять. Народу в столовой заметно прибавилось, но все равно большинство столов еще пустовали.

После завтрака желающие посетить рыночную площадь собрались во дворе. Было нас не так уж и много, в основном – юноши, но и несколько девушек тоже пришли. Я заметила по торчащим из-под мантий частям нарядов, что фасон платьев был примерно такой же, как у меня, разве что расцветка поярче. Все мы держались несколько настороженно, лишь трое ребят без мантий вовсю болтали между собой. Наверное, были знакомы еще до поступления в Академию.

Пока я разглядывала присутствующих, к нам подошел молодой человек в бордовом плаще с черным капюшоном. Быстро вспомнив, что это учащийся третьей ступени, я перевела взгляд на его лицо и поразилась: такого красивого парня мне еще видеть не доводилось. Он выглядел совсем юным, даже моложе нас, хотя ему никак не могло быть меньше двадцати двух лет. Густые каштановые волосы блестели на солнце и легкими волнами спадали на плечи юноши. Огромные карие глаза с длиннющими черными ресницами скорее пристали бы девице. Лицо было на удивление гладко выбрито, хотя обычно дворяне предпочитали носить если не ухоженную бородку, то усы. Полные губы изгибались в приятнейшей улыбке, да и весь вид молодого человека просто

светился радушием и добротой. Истинник был высок, худощав и подвижен, на боку у него висела шпага, при взгляде на которую я едва заметно вздрогнула, припомнив ночной кошмар. Единственное, что меня смутило в облике юноши, – странные штаны в обтяжку, но я еще ничего не знала о столичной мужской моде.

Глубоким бархатным голосом маг обратился к собравшимся:

– Внимание, неофиты! Сейчас вам предстоит прогулка к одному из самых интересных и нужных мест всей Веритерры: к рыночной площади! Я, эпопт Шарль, стану на сегодня вашим гидом по царству торговли и продемонстрирую чудеса, о которых многим из вас даже слышать не доводилось! – С этими словами юноша сделал изящный жест руками и грациозно склонился в легком поклоне.

Тут одна из девушек шагнула вперед и взволнованно уточнила:

– А вы… вы ведь Шарль Демар, правда?

– Безмерно счастлив, что столь прелестная верита изволила слышать о моей скромной персоне, – галантный поклон в сторону девушки.

Все девочки, как по команде, завизжали и захлопали в ладоши, одна я стояла и ничего не понимала. Молодой человек меж тем, заметив, что трое учащихся не надели мантии, отправил их в общежитие спешно исправить недочет, объяснив нам попутно, что мантия за пределами учебного заведения служит надежной защитой неофитам – ни один наглец не посмеет причинить вред человеку из Академии.

– Впрочем, уже со второй ступени мантия станет не щитом, но знаменем, – небрежно бросил маг, – заранее предупреждая об опасности любого, кто замыслит причинить зло адепту Истины.

– Но ведь Великая Веритассия повелела своим детям не злоумышлять друг против друга, – изумилась я. Судя по тому, как все разом на меня посмотрели, я мало того, что произнесла это вслух, так еще и сморозила несусветную глупость.

– Увы, Веритерра – центр нашего государства, здесь много пришлых, и далеко не все они считают нужным свято блюсти как заветы великой богини, так и законы, принятые людьми, – с печалью в голосе ответил наш сопровождающий.

– Да и среди местных далеко не все такие святоши, – хмыкнул кто-то из парней.

– Друзья, к чему говорить о грустном в такой чудесный день? – тут же вмешался эпопт. – Давайте будем счастливы, пока мы молоды! И вперед, навстречу приключениям!

Юноша решительно двинулся к воротам Академии, а мы потопали за ним, словно утята за утицей.

Со слов Шарля получалось, что Академия расположена на окраине столицы, чтобы маги могли спокойно ставить различные эксперименты, не мешая почтенным горожанам. Ближайший к учебному заведению район – как раз торговый. Состоит он из рыночной площади, где продают разнообразные продукты питания, торговых рядов, специализирующихся на непродовольственных товарах, и жилых домов, принадлежащих городским лавочникам.

По дороге к рынку юноша успевал рассказывать о столичных обычаях, обращать наше внимание на самые диковинные здания и улыбаться девушкам, дружно сбившимся в стайку прямо у него за спиной. С того момента, как новоявленные ученицы узнали имя эпопта, они, не переставая, перешептывались, хихикали и бросали на него донельзя заинтересованные взгляды. Я, не выказавшая должного почтения их кумиру, удостаивалась лишь презрительных мин. Уж не знаю, кто такой этот красавчик, но, судя по ажитации девиц, он как минимум сын верховного правителя Веритерры. Хотя должна признать, что смотреть на юношу и впрямь приятно.

Впрочем, на столичных улочках тоже было на что поглазеть: дома все разные, то беленые, то просто каменные, а то напополам из камня и дерева, стоящие впритык друг к дружке. Каждый дом украшен то дракончиками, то птицами, а то какими-то до того страхолюдными харями, что поневоле шарахнешься. Шарль объяснил, что это – горгульи, защищающие дом от зла. Мне такие защитники были в диковинку, у нас дома украшались деревянной вязью, ажурной, словно кружево. В остальном столичные жилища особого впечатления не производили:

не сказать, чтоб высокие, не выше нашего лесного терема, с покатыми крышами и ровными фасадами. Ни тебе башенок, ни петушков, ни столбиков. Улицы мощены камнем, но грязноваты. И ни одного деревца вокруг.

А вот базар был богатый: тут тебе и всякие морские гады, и мясо любое, даже какой-то неведомой мне птицы струсь, и молочная снедь, и сласти. В лабазах у края рынка торговали зерном и мукой. Воняло, правда, жутко: рыбьей требухой, тухлыми яйцами, подгнившей картошкой, но и приятные запахи наличествовали: патока, свежевыпеченный хлеб, мед, тонкие ароматы чужеземных специй. От этой мешанины даже виски ломить начало.

Вдосталь поводив нас по рынку, Шарль направился к неприметной лавочке рядом с хлебными лабазами.

– Запомните, неофиты, это самое важное для учащихся торговое учреждение на всей рыночной площади. Здесь продаются ингредиенты для декоктов и суспензий, которые вас научат готовить на старших курсах. Разбейтесь на небольшие группы и заходите посмотреть.

Первая группа, состоящая из парней, пробыла в лавке с пару минут, вторая – не дольше. В третьей группе оказались девочки, ни на шаг не отходящие от нашего предводителя, ну и я с ними.

Лавка была забита травами и кристаллами, порошками и какими-то окаменелостями.

– Рад приветствовать вас, верит Ковель, – обратился эпопт к дородному мужчине с лоснящимся лицом.

– И вам не хворать, верит Демар! Смотрю, желторотиков привели, – благостно прогудел торговец. – Пусть поглядят, им полезно будет.

Девушки явно не разделяли этой точки зрения и продолжали коситься на нашего проводника. Я же потянулась к знакомым растениям да так и обалдела.

– А почем такой пучочек чабреца? – подала я голос.

– Только для вас, верита, всего серебрушку, – маслено поглядел на меня лавочник.

– Серебрушку? – Я чуть не взвыла. – Да за что же? Тут сорной травы больше, чем полезной.

– Ай-ай-ай, верита, как вам не совестно так отзываться о первосортном товаре! – Моментально взгляд торговца стал колючим.

– Пер-во-сорт-ном? – протянула я в ответ, приметив в углу большую вязанку высушенных веточек с листочками и ягодками. – А какую хворь, позвольте спросить, вы пользуете этим вот веником?

– Это от расстройства кишечника, приводящего к накоплению отходов внутри организма, – солидно сообщил Ковель, – именуемого нутряным запором.

– И как, помогает?

– Всенепременно!

– Да быть не может!

– Это еще почему? – сузил глаза травник.

– А потому что там крушина вперемешку с черемухой! И если первая, верно, от запора, то вторая, напротив, от поноса. И вместе они использоваться не могут! – разгорячилась я. – А другой лавки с травами тут нет? – спросила у изумленного донельзя эпопта.

– Да что ж я, по-твоему, черемуху от крушины не отличу, сопля? Да я тебе… – озверел лавочник, рванув из-за прилавка ко мне.

Но дорогу ему немедленно перегородил Шарль.

– Верит Ковель, я надеюсь, вы помните, что разговариваете с учащимся Академии? – Нежный юноша преобразился на глазах. Сейчас с торговцем говорил настоящий истинник, в голосе его звучала сталь, а из глаз, кажется,

вот-вот вылетят молнии.

Травник даже с лица спал и немедленно вернул свою объемистую тушу обратно за прилавок.

– Имейте в виду, верит Ковель, я сегодня же доведу до сведения администрации Академии информацию о произошедшем инциденте. А сейчас мы вынуждены откланяться. Вериты, после вас. Всего вам доброго, верит Ковель!

Молодой маг подождал, пока мы все покинем лавку, и вышел последним, на прощание бросив хмурый взгляд на хозяина.

– Преклоняюсь перед вашим умением заводить врагов, прекрасная верита, – вновь сияя шутливой улыбкой, сообщил мне эпопт.

– У меня нет врагов, – все еще не отойдя от перепалки, ответила я несколько резко.

– Ах, позвольте мне вам не поверить, – многозначительно прошептал Шарль, склонившись к самому моему уху.

Возвращались мы другим, более длинным путем. Наш сопровождающий продолжал заливаться соловьем, но я его уже почти не слушала, просто стараясь запомнить дорогу и недоумевая, зачем эпопту потребовалось пугать меня какими-то несуществующими врагами. Если он имел в виду лавочника, то ничего предосудительного я не совершила и обижаться на меня торговцу было не за что: травы и впрямь хранились не в должном порядке, а цены были просто грабительскими. Я говорила истину, а это всегда угодно Великой Веритассии. Хотя, если вспомнить высказывание кого-то из неофитов насчет святош, можно предположить, что в столице заветы богини не в почете. Но это не повод сходить с пути Истины, даже если все вокруг погрязли во лжи. И тут я некстати вспомнила о зарянице, спрятанной от матери в саквояже… Конечно, впрямую я не обманывала, лишь умолчала о подарке Семена, но ведь можно рассудить и так, что я в тот момент погрешила против Истины?

За такими размышлениями незаметно промелькнул обед. В общежитии все так же стояла тишина, хотя мамаша Гурдан рассказала, что утром на втором этаже разместилась еще одна жиличка. Но сейчас обе мои соседки ушли в город,

видимо, в то самое заведение с какой-то хитрой кухней. Я же решила, пока есть время, изучить место, в котором предстояло провести ближайшие полгода. Вооружившись руководством, чтобы не заплутать, я отправилась гулять по Академии.

И Академия оказалась просто огромна! Она была намного больше уездного села. Здесь даже текла весьма широкая речка. Страшно представить, какова вся столица! Домов на территории учебного заведения было много, но они не жались друг к другу, как в городе, а были окружены полянками с клумбами и деревьями. Большую часть зданий заткал все тот же бордовый вьюн, а те, где все же виднелась кладка, были сложены из небольших красных камней. Издали и не поймешь сразу, какое строение покрывает листва, а какое стоит в первозданном виде.

Людей на улицах было немного, в основном мне встречались служащие в полосатых мантиях, но кое-где попадались и учащиеся. Преподавателей так и не встретила. Наверное, они еще не прибыли сюда, потому что учебный год не начался. Хотя позднее я поняла, что ошиблась.

Сдав посуду после ужина, я уже направлялась к дверям столовой, когда с одной из лавок мне навстречу поднялся Шарль Демар.

– Прекрасная верита, я благодарен судьбе за нашу новую встречу, – тонко улыбнулся молодой человек, склоняя голову.

– Э… добрый вечер, верит Демар! – Витиеватый слог юноши сбивал с толку, и я не придумала ничего лучше.

– Верита, вы не находите несколько прискорбной ситуацию, при которой вам известно мое имя, а вот ваше остается для меня полной загадкой?

– Меня зовут Феодоссия Ролло. Можно просто Фея, так короче.

– Восхитительное имя, польщен знакомством! Скажите, верита Фея, а каковы ваши планы на этот вечер?

– Мм… я в общежитие иду, – промямлила безо всякой уверенности, что верно поняла вопрос.

– Восхитительно! И вас там, конечно же, с нетерпением ждут? – Глаза молодого человека лучились лукавством. А может, мне это показалось.

– Нет, меня никто не ждет, я тут почти ни с кем не знакома.

– О, верита Фея, мне отрадно принести вам благую весть, что вы пребываете в глубочайшем заблуждении на свой счет. Вас ждут! Но только не в общежитии: верит Дорэ будет счастлив лицезреть вас в своем кабинете! – Широкая улыбка осветила прекрасное лицо, сделав его еще более юным.

– А… а кто это? – Я хлопала глазами, словно корова, не успевая за поворотами нашей странной беседы.

– Простите мне этот промах, верита! Разумеется, мне следовало с самого начала сообщить, что верит Дорэ – декан факультета истинного Врачевания. – Молодой человек покаянно приложил руку к груди, демонстрируя глубочайшее раскаяние.

– А вы уверены, что он ждет именно меня? – Я искренне не понимала, что могло потребоваться от меня такому важному человеку.

– Вы меня обижаете! – пожурил шатен. – Разумеется, я абсолютно убежден в этом. Вашу ручку, верита Фея! – грациозным движением красавец протянул мне свою ладонь.

– За… зачем? – совсем уж растерялась я.

– Вы ведь не сможете перенестись в кабинет верита Дорэ без моей помощи! Смелее, чего же вы испугались? Утром в лавке верита Ковеля вы демонстрировали весьма боевой дух, – заговорщицки подмигнул мой собеседник.

Щеки вспыхнули, я разозлилась, толком не поняв, на Шарля Демара или на себя, и решительно взяла его за руку. В тот же миг мы оказались в другом

помещении.

Плотные шторы скрывали окна, отсекая лучи заходящего солнца. Единственным источником освещения служил зеленоватый шарик, зависший над столом, так что углы комнаты терялись в полумраке. За столом сидел мужчина средних лет, просматривая какие-то бумаги. Мантия на нем была с серебряной отделкой. Подняв глаза на нас с Шарлем, декан устало потер переносицу и ворчливо изрек:

– Наконец-то! Все упражнялись в изящной словесности, эпопт Демар?

– Как вы могли такое подумать, верит Дорэ! – пылко возразил юноша, выпуская мою руку. – Я сбился с ног, разыскивая вериту Ролло…

– Благодарю вас, эпопт Демар! Вы свободны! – прервал его излияния декан. – А вы присаживайтесь, неофит Ролло, присаживайтесь! – Мужчина указал на табурет со спинкой, стоящий напротив него.

Я послушно села, все еще не понимая, чего от меня ждут.

– До меня дошли сведения, что сегодня вы раскритиковали товары в лавке торговца Ковеля. Это так? – произнес истинник, быстро черкнув пером по документу.

– Нет, верит декан, я абсолютно уверена, что не раскритиковала, хотя этот торговец – настоящий разбойник: дерет втридорога за товар, который еще перебирать надобно! – Я моментально успокоилась, как только поняла, для чего меня позвали.

– То есть вы считаете, что эти травы нельзя использовать? – Декан врачевателей кинул на меня цепкий взгляд, на миг оторвавшись от очередной бумаги.

– Отчего же, вполне можно, если перебрать, хотя большой пользы от них не будет.

– Что заставляет вас делать столь далеко идущие выводы? – осведомился мужчина, откладывая бумаги и сосредотачиваясь на разговоре.

– Многие из них собраны не вовремя: цветки надо на самом пике цветения срывать, а в лавке они еще в бутонах. Ягодам тоже не дали полностью налиться соком, а это уменьшает целебные свойства, – слегка пожала плечами я, недоумевая, неужели они здесь таких простых вещей не знают.

– У вас дар врачевателя? – Сцепив пальцы, маг пристально вглядывался в мое лицо.

– Не знаю, верит декан. Мы с родителями не смогли понять, каким даром меня благословила богиня. Мне бы очень хотелось быть лекарем, но в травах я разбираюсь не больше, чем прочие.

– Откуда вы родом?

– Из Пеньковского уезда.

– И что, у вас там многие умеют заготавливать лекарственные растения? – Мужчина встал из-за стола и заходил по комнате, заложив руки за спину.

– Без этого не проживешь. – Я никак не могла понять, к чему он клонит.

– Кто учил лично вас разбираться в травах? – Маг резко остановился рядом со мной, всматриваясь в глаза.

Я замялась, вспомнив предостережение мамаши Гурдан.

– Ну же, я жду! – жестко произнес истинник, наклоняясь ко мне.

– Леший, кикимора, полевики…

– Так! – Мужчина быстро распрямился и продолжил ходить. – Будем считать, что этого я не слышал. А не захватили ли вы с собой из дома каких-нибудь травок?

– Конечно, захватила, верит декан.

– Долго вам их искать?

– Да зачем искать, они в столе лежат!

– Превосходно! Куда вас поселили?

– В Яблоневое общежитие.

– Комната?

– Шестнадцать.

По мановению руки моего собеседника посреди помещения возник высокий овал, переливающийся всеми цветами радуги.

– Будьте так любезны, принесите ваши запасы, неофит Ролло! Только быстро: одна нога там, другая – здесь! Да не бойтесь вы – это портал в вашу комнату, – уточнил мужчина, заметив мое недоверчивое отношение к странной штуке. Но делать нечего, пришлось шагнуть прямо сквозь радугу. С другой стороны овала и впрямь находилась моя горница. Быстро вытащив из ящика стола объемистый кошель, я поспешила обратно. Стоило выйти в кабинете декана, как разноцветное сияние исчезло.

Верит Дорэ распустил тесемки и начал уверенно копаться в плотно набитых льняных мешочках, подписанных рукою матушки.

Длинные тонкие пальцы ловко перебирали травы: какие-то тут же откладывались, некоторые удостаивались более пристального внимания. Пяток мешочков декан развязал и принюхался к аромату, а в два даже соизволил сунуть указательный палец, после чего задумчиво лизнул подушечку. Закончив осмотр, мужчина взял в руки пару мешочков, изначально отодвинутых им на край стола, и осведомился:

– Неофит Ролло, я могу одолжить у вас вот это на несколько минут? Обязуюсь вернуть все в целости и сохранности.

Я не видела, что написано на заинтересовавших мага мешочках, но, конечно же, кивнула:

– Берите, разумеется.

– Благодарю! Посидите здесь до моего возвращения, пожалуйста, только ничего не трогайте – это в ваших же интересах! – С этими словами он исчез.

Мне оставалось лишь сидеть и осматриваться. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела, что кроме массивного стола в центре кабинета декана были только высокие, до самого потолка, книжные шкафы, расположенные вдоль всех четырех стен. Заинтересовавшись, я поднялась с табуретки и медленно пошла вдоль книжных рядов, изучая корешки. Я же ничего не трогаю, значит, и не нарушаю запрета!

Неожиданно в комнате раздались голоса:

– Нет, если бы я знал, что нужен скандал, я бы уже давно лично сходил к этому мошеннику и отхлестал его по щекам его же мусором! – кипятился невысокий мужчина в бордовой накидке, размахивая руками и совершенно по-петушиному наскакивая на стоящего у стола высокого худого старика. Даже если бы плечи старца не украшала мантия с золотой отделкой, я бы поняла, что передо мной ректор Академии, по одному лишь меткому замечанию мамаши Гурдан: вытянутое бледное лицо с широко расставленными печальными глазами и жиденькой бороденкой до жути напоминало козью морду.

– Грэг прав, Дайлер, этот плут зарвался, – спокойно произнес стоящий рядом декан.

– А я о чем? Цены с каждым годом растут, а времени на приведение сырья в должный вид тратится все больше, – продолжал невысокий.

– Успокойся, Грэгори, успокойся! – поморщился ректор. – Пока мы не можем отказаться от услуг верита Ковеля, но в свете сложившейся ситуации, несомненно, пересмотрим условия. И мы, кажется, напугали бедную девочку. – Старик улыбнулся, заметив меня в углу, и по-хозяйски расположился за столом. – Подойди, дитя!

Я приблизилась, пытаясь сообразить, нужно ли кланяться столь высокопоставленной особе или в Академии такое не принято.

– Садись, не стесняйся, здесь все свои, – проворковал ректор. – Наш многоуважаемый наставник врачевателей довел до моего сведения кое-какие прелюбопытнейшие соображения. Не будем тянуть время: раз в твоих краях многие умеют качественно заготавливать лекарственные травы, может быть, ты сможешь порекомендовать кого-либо, кто согласится добывать необходимые Академии растения? Разумеется, за все собранное мы будем платить ту же цену, которую давали известному тебе вериту Ковелю.

Я сразу вспомнила о приданом сестер, которое они охотно позволили разорить ради моей поездки в Академию. Если здесь платят по серебрушке за ничтожный пучок травы, девочки быстро смогли бы скопить на новое. Конечно, унизительно дворянам подряжаться на наемную работу, но мы же и так привыкли трудиться с утра до ночи, так не все ли равно? Порозовев от смущения, я решилась:

– Думаю, что моя семья не откажется оказать услугу Академии Веритас. Мои матушка и сестры прекрасно разбираются в травах и смогут собрать все, что можно найти в нашей местности. Только большая часть трав в этом году уже отошла.

– О, не беспокойся, милая, нам требуются самые разные растения. Например, сейчас самое время заготавливать золотой корень и семя борца. В ваших краях они растут?

– Да, конечно, – обрадовалась было я, но тут же вспомнила о том, что мне еще сначала нужно договориться с семьей, а письма к нам идут долго, золотой корень за это время уже отплодоносит.

– Отправишь послание в конверте Академии, – махнул рукой старичок. – Если сегодня напишешь, завтра письмо будет уже у твоих родных.

– Благодарю, верит ректор. А сколько вам нужно корней и семян?

– А сколько сможете собрать, столько и возьмем, – ободряюще улыбнулся маг.

Я даже усомнилась:

– А если, к примеру, воз наберется?

– О, это было бы неслыханной удачей! – воскликнул невысокий истинник. До сих пор они с деканом не вмешивались в беседу.

– Вот видишь, дитя, мы с радостью приобретем воз указанных ингредиентов! Этим мы просто осчастливим нашего драгоценнейшего заведующего лечебницей. От счастья он даже спать будет прямо на возу. Вместо собаки, – противно захихикал ректор, меленько тряся куцей бороденкой.

Я не знала, что сказать, потому лишь потупилась. Какой-то он неприятный, этот сильнейший маг Веритерры.

По окончании разговора мне вернули мои мешочки с травами, хотя заведующий, кажется, с радостью их забрал бы, так жадно он глядел на кошель, словно в нем скрывались сокровища. Я бы с удовольствием поделилась, но он не попросил, а самой предлагать было как-то неловко.

Глава 5

Страстодень

Письмо домой я написала сразу же после беседы с ректором. На коловрат в том же конверте вернулся ответ: родители были счастливы, что у меня все хорошо и что я нашла возможность дополнительного заработка для всей семьи. Матушка благословляла меня и просила помнить: нужно во что бы то ни стало прижиться в столице. Дора посылала кучу поцелуев и шутливо намекала, что без меня ей лучше, потому как у нее теперь своя светелка, только вот пошушукаться на ночь не с кем. Младшие сестренки передавали приветы и забрасывали вопросами о столичном житье-бытье. Я ужасно скучала по своим любимым, особенно вечерами. Днем я ходила на все бесплатные экскурсии по городу и Академии, а после того, как нам продемонстрировали библиотеку, почти все время пропадала среди книг, стараясь наверстать упущенное и прочесть как можно больше полезной литературы.

В Яблоневом общежитии с каждым днем становилось все больше жительниц, но я по-прежнему обитала в одиночестве. С соседками отношения как-то не

заладились: нет, все девушки были вежливы и улыбчивы, но меня не отпускало чувство, будто они чураются моего общества. Может, потому что я носила мрачноватую одежду, остальные же одевались куда ярче и богаче, а может, из-за того, что я смущалась и терялась, когда другие веселились и озорничали, – не знаю. Навязываться или мешать им не хотелось, вот я и пряталась за библиотечными стенами.

Зато смогла разобраться со списком предлагаемых для изучения предметов и даже уже выбрала те курсы, которые точно буду посещать. Раз уж маменька настаивает, чтобы я оставалась в Веритерре, нужно получить такие знания, которые точно смогут облегчить эту задачу: этикет – я почти на каждом шагу сталкивалась с различиями столичного и провинциального образа жизни и постоянно терялась, не зная, как себя положено вести в той или иной ситуации; танцы – самый простой способ поближе познакомиться с молодыми людьми; литература – она развивает ум, помогает лучше формулировать мысли и позволяет подбирать интересные темы для беседы. Четвертый предмет пока выбрать не сумела.

Вечером после ужина меня ждал сюрприз: поднявшись в свою комнату, я обнаружила, что все свободное пространство завалено странными по виду сундуками, неизвестными музыкальными инструментами и яркими платьями из тонкой материи. Выбирая, куда бы поставить ногу, чтобы не наступить на чужое имущество, я получила внушительный удар дверью по спине.

– Ох, прости, дорогая, я не знала, что ты тут стоишь! – вскрикнула влетевшая в комнату девушка, всплескивая руками. – Пожалуйста, извини, мне сказали, что обычно ты приходишь несколько позже, вот я и не подумала, что за дверью кто-то может стоять. Сейчас я все уберу! – Девушка подхватила несколько ближайших платьев и грудой кинула их на пока еще пустовавший стол. – Я тебя не сильно ушибла?

– Нет, все в порядке, не беспокойся. – Я бочком протиснулась к своей кровати и опасливо уселась, наблюдая за резкими размашистыми движениями новоявленной соседки, ураганом носившейся по комнате. Девушка была яркой, красивой и очень необычной. Черные длинные волосы заплетены в тугие косы и плотными кольцами уложены вокруг головы. Выразительное нежное личико разрумянилось, а темные, почти черные, глаза сияли, притягивая внимание, околдовывая спрятанной в их глубине силой. Я невольно залюбовалась, слегка даже завидуя такой броской внешности. Мы с сестрами все как на подбор были

светловолосы и светлоглазы. Кожа у нас молочно-белая и легко обгорает на первом весеннем солнышке, заставляя мучиться и обмазываться простоквашей. Да и вообще в наших краях преобладали русые волосы и серые глаза. Мне еще повезло: достались пшенично-золотой оттенок косы и голубые глазки, а вот Сия обещала вырасти совсем бледненькой. Так что черноокие брюнетки просто завораживали меня. Наверное, именно так должны выглядеть прекрасные принцессы, ради которых бесстрашные кавалеры отправляются на подвиги.

– Мамочки, что ж это я! – Красавица выпустила из рук очередную кипу платьев и метнулась ко мне. – Где мои манеры, болтаю, вместо того чтобы представиться. Я – Франческа, но друзья зовут меня Чеккина. – Девушка протянула мне руку. – Мы же с тобой станем добрыми друзьями, правда?

– Я буду очень рада с тобой подружиться, – смущенно улыбнулась я, пожимая протянутую кисть. – А меня зовут Феодоссия, можно просто Фея.

– Какое красивое и необычное имя! – восхитилась девушка. – Я с самого начала сказала, что у меня будет просто замечательная соседка. – Франческа порывисто обняла меня и звонко чмокнула в обе щеки. Снова стало неловко, потому что у нас так бурно знакомиться было не принято, и я тут же почувствовала себя колодой, не знающей, куда деть руки и в какую сторону повернуться. Нет, положительно, мне срочно нужно пройти курс обучения этикету!

Чеккина же моего смущения будто и не замечала: девушка ловко развешивала платья и весело щебетала о том, как рада поступлению в Академию, о солнечном городе на берегу теплого моря, в котором живет семья потомственных поэтов и музыкантов, о трех старших братьях-сорванцах и о чудесных праздниках, на которых ей довелось побывать. Дар Франчески открылся очень рано, года в четыре, с тех пор она прилежно занималась под руководством родителей, и уже с четырнадцати лет ее приглашали участвовать в торжественных церемониях и крупных празднествах. Не знаю, чему могут научить мою соседку в Академии, на мой взгляд, она и сейчас заворожит кого угодно одними словами, безо всякой музыки.

– А ты? Ты откуда? – Вопрос застал меня врасплох. Я и не заметила, когда Чеккина закончила разбирать багаж и опустилась на свою кровать, поджав ногу и опираясь округлыми локтями на изголовье. Сейчас стало видно, что глаза у нее все же не черные, а сине-фиолетовые, словно сердцевинка василька.

Я не умела говорить так чарующе и образно, чтобы перед глазами слушателя вставали картины далеких мест, но постаралась, как смогла, рассказать о вековых деревьях, стоящих вокруг терема, о серебристом звоне родника, о лосятах, доверчиво берущих хлеб с ладошки. И, конечно же, о светленьких головках, мелькающих тут и там среди зарослей малины.

– Девять сестер, с ума сойти! У тебя девять сестер! А я всегда так хотела сестричку, но вынуждена была довольствоваться гадкими братцами! – делано вскрикнула Франческа. – Эта жизнь ужасно несправедлива! – Она комично надула губки и сморщила носик. Смеялись мы уже вместе. Так хорошо до сих пор мне было только с Дорой!

Глава 6

Тиховей

Пронзительно-желтые листья разлетались из-под ног. Стекла тоненько звенели, отзываясь на резкие звуки пугающей музыки. Сердце колотилось где-то в горле, а уши разрывались от набатного стука крови. Я задыхалась. Задыхалась, но все равно продолжала кружение, удерживаемая жесткой рукой.

Страх леденил пальцы, ужас толкал в спину, я хотела бежать, но не могла вырваться из сильных рук партнера по смертельному танцу. А он смеялся: весело, заливисто, перекрывая шум в ушах, заглушая окружающие звуки.

Он не был красив, но от его лица невозможно было оторвать взор. Резкие черты, смуглая кожа, хищный ястребиный нос с подрагивающими нервными ноздрями. И глаза! Глаза цвета ночного неба…

– Нет… Нет. Нет!

– Фея! Фея, проснись! Тебе плохо? – Кто-то тормошил меня, настойчиво тряс за плечи.

– Нет… нет… не знаю! Что случилось? – с трудом выдираясь из цепких объятий сна, лопотала я, то открывая, то вновь закрывая глаза.

– Кажется, тебе приснился кошмар! – над кроватью склонялась Франческа, с испугом вглядываясь в мое лицо. – Ты так кричала…

– Извини. – С усилием сглатывая вязкую слюну, я кое-как села на кровати. – Прости, что разбудила. Обычно я не кричу по ночам.

– Ну, что ты. – Ободряюще поглаживая меня по плечу, Чеккина примостилась рядом. – Все прошло, милая, все уже прошло. Это просто сон. Может, ты что-то не то съела за ужином? Меня иногда мучают кошмары, если на ночь переела.

– Да, вполне возможно, я никак не привыкну к местной пище. Спасибо тебе. Пойду умоюсь.

Я все еще двигалась медленно и неуверенно, будто на плечи давило что-то тяжелое. Франческа распахнула мне двери и помогла дойти до мыльни. Слабой улыбкой я поблагодарила девушку и тяжело оперлась на умывальник.

Возможно, я и впрямь еще плохо умею выбирать блюда. В наших краях каждому известно, что соленые огурцы не следует запивать молоком, а красное мясо – заедать сладкой булкой, иначе будут весьма неприятные последствия. Здесь же пища совсем иная и готовится не так, как я привыкла. Вполне может статься, что моему нутру тяжко управляться с выбранной снедью, вот меня и мучают кошмары. Надо бы за вечерней трапезой кушать поменьше, пока не обвыкнусь.

Ополоснув лицо, я почувствовала себя лучше и уже нормально добралась до спальни. Соседка успела заправить свою постель и прихорашивалась перед небольшим зеркальцем.

– Чайку хочешь? – заботливо спросила она.

– Хорошо бы, но столовая еще не открылась. – Я лишь пожала плечами.

Девушка загадочно улыбнулась и выудила из недр своего шкафа небольшой чайничек вроде заварника, только сделанный из металла.

– Сейчас все будет! – подмигнула Чеккина.

Оказывается, эта штучка служила одновременно и заварником, и самоваром. Вода кипятилась сама, стоило лишь постучать по крышечке. Весьма удобная и полезная вещь!

У Франчески нашлись и чашки с ложечками.

– Какая ты запасливая! А я вот посуду взять не догадалась, – сокрушенно повинилась я.

– Так гастроли же, поездок много, вот и поднабралась опыта, – весело рассмеялась девушка.

Я предложила внести свою лепту травами. Франческа с восторгом согласилась: она в растениях совершенно не разбиралась и положилась на мой выбор. Заварили ромашку с мятой, и под горячий, ароматный напиток потекла неспешная беседа об Академии. Я делилась с соседкой тем, что успела узнать за минувшую седмицу, она радовалась предстоящему празднику и мечтала, как пройдет прослушивание в хор.

А я умудрилась совершенно позабыть, что сегодня должен был состояться общеакадемический праздник – День Приветствия.

Почаевничав, соседка начала выбирать подходящий наряд. Я с интересом наблюдала и даже принимала участие в обсуждении достоинств желтого шелка перед гиацинтовым барежем. Наверное, если бы можно было надеть сразу оба платья, девушка бы так и сделала. После долгих раздумий шелк был признан негодным: праздновать собирались на улице, а там уже было немного зябко.

Франческа носила туалеты незнакомого мне фасона: с глубоким вырезом, шнуровкой на лифе и обилием нижних юбок. Мне бы такой наряд показался излишне громоздким, да и неприличным к тому же, но девушке убор был к лицу, – она напоминала яркую птичку, охорашивающую перышки.

У меня столь обширного гардероба не имелось, так что долго выбирать не пришлось: платье из сурового льна почти не отличалось от моей повседневной

одежки, лишь от ворота до подола сбегали по груди пуговички, ярко поблескивающие на солнышке. Опояску менять не стала, а вот шею украсила витой гривной. В косу вплела ленточку, тем мои хлопоты и ограничились.

Франческа попыталась уговорить меня сделать модную прическу, но я только отмахивалась – это у нее косы, словно черные змейки, сбегали по светлой шее, а если мой желтоватый волос вокруг головы обмотать, чучелко соломенное выйдет.

После завтрака учащиеся потянулись во двор между общежитиями, часть которого затянули шатрами, а на оставшейся соорудили деревянный настил.

– Чеккина, свет очей моих, тебя ли я вижу в наших райских кущах? – пропел мужской голос.

– Шарло, и ты здесь, негодник! – Моя соседка пылко бросилась на шею нагнавшему нас эпопту Демару. Юноша был изумительно хорош в голубом костюме с серебром. Они с Франческой составляли такую красивую и живописную пару, что заглядеться можно, но я все же вежливо отвела глаза, чтобы не смущать влюбленных. Хотя, судя по тому, как смачно и безо всякого стеснения молодые люди расцеловались, они уже и обручиться наверняка успели.

Нынче как раз был последний день перед порой сговоренных свадеб. Мало кто решался делать предложение до первого дня липня: ждали писем из Академии. Вдруг у одного из возлюбленных дар откроется, какая уж тут свадьба, если не знаешь, когда домой воротишься. Но про дар Франчески было известно сызмальства, а Шарль уже несколько лет учился, их сомнения не мучили. Такому подарку судьбы никто бы противиться не стал.

– Фея, милая, познакомься с Шарлем. – Пока я размышляла, девушка успела оторваться от дролечки.

– Я уже имел счастье познакомиться с прелестной веритой Феей. – Юноша галантно поклонился. – Должен заметить, что вы выглядите просто неотразимо. Боюсь, сегодня разобьется не одно трепетное сердце. Позвольте же выразить вам глубочайшее восхищение и запечатлеть на вашей дивной ручке свидетельство моего искреннего преклонения перед столь несравненной

красотой.

До этого момента я была уверена, что эпопт Демар обращается к Франческе, но тут он взял мою руку и прижал к губам. Судя по жару в щеках, сейчас мое лицо приобрело самый что ни на есть магический оттенок – бордовый.

– Простите, прелестные вериты, но меня зовут безотлагательные дела. Надеюсь увидеть вас в более располагающей к длительным беседам обстановке. – Чмокнув Чеккину в щеку, юноша скрылся среди собирающейся толпы.

Я совершенно беззвучно открыла и закрыла рот, силясь побороть желание обтереть руку о платье. Все же так открыто, на глазах невесты, оказывать внимание другой – это ни в какие ворота не лезет! А нам же в одной комнате жить, он что, не понимает?

– Я… он… я не хотела, – с трудом пискнула я, с ужасом взирая на Франческу, которая, кажется, впала в ступор не хуже меня. По крайней мере, она до сих пор улыбалась, а не пыталась выдергать мне волосья.

– Что случилось, милая? – Голос девушки звучал совершенно искренне.

– Ну, как же… жених… руку… вот… – полузадушенно блеяла я, готовая от стыда провалиться сквозь землю.

– Жених? Да что ты говоришь! Шарль – твой жених?

– Поч-чему мой? – Я уже совершенно перестала понимать происходящее. – Твой же!

– Кто тебе такое сказал? – Глаза красавицы расширились от удивления. – Мы с этим проказником сто лет знакомы: он дружит с моим старшим братом, да и на одних подмостках нам выступать приходилось! – Франческа обняла меня за плечи. – Милая, ты, видимо, жила в очень строгой семье, но здесь столица, здесь все проще! А у артистов и вовсе свои представления о приличиях! Приди в себя: тебе что, никогда руку не целовали?

Я лишь помотала головой. Какие-никакие, а мы – дворяне: простолюдины бы три раза подумали, прежде чем дотронуться до аристократки, во время ярмарок мы только с торговцами и общались, откуда же взяться воздыхателям?

– Так ты не злишься? – на всякий случай уточнила я.

– Мне не на что злиться! – увещевала Чеккина. – Так что перестань дрожать и привыкай. Что-то мне подсказывает, что без мужского внимания ты надолго не останешься!

Я все еще чувствовала себя не в своей тарелке и попыталась перевести разговор на иную тему:

– А верит Демар тоже музыкант, как и ты?

– Дорогая, ты точно из Веритерры? Создается впечатление, будто ты выросла в другой стране! Шарль – актер, причем очень известный. Кроме того, он пишет неплохие пьесы, но его актерская известность не идет ни в какое сравнение с драматургической. У него прорва поклонниц! Поверь мне, очень многие девушки из собравшихся здесь неделю не мыли бы руку, если бы ее поцеловал Шарль. – Чеккина задорно подмигнула мне.

Я догадывалась, что сейчас опять спрошу о чем-то общеизвестном, но перед Франческой я уже выставила себя неотесанной деревенщиной, так что терять было нечего:

– А актер – это вроде скомороха?

– Ой, ты только Шарлю такого не скажи, – хихикнула девушка. – Скоморохи – это самая низшая ступень актерской профессии. Среди них совсем нет магов, и они очень грубы, в приличных местах такие не выступают. А Шарль принимает участие в самых роскошных столичных постановках. Думаю, он не откажется как-нибудь пригласить тебя на спектакль. Но тсс, кажется, верит ректор готов разродиться приветственной речью!

На настиле и впрямь сгрудились преподаватели, даже ради праздника не снявшие мантий. Ректор гордо стоял впереди всех, выпятив щупленькую грудь.

Собравшиеся примолкли, и глава Академии начал довольно занудную речь, почти полностью повторявшую написанное в руководстве. Слушать его было совершенно неинтересно, так что я во все глаза разглядывала наших будущих учителей, пытаясь угадать, кто какой предмет ведет. Впрочем, если вспомнить список лекций из руководства, здесь присутствовали далеко не все педагоги. Тогда я попыталась разобраться хотя бы в деканах факультетов, но насчитала лишь семь мантий с серебряной отделкой. Видимо, кто-то из руководителей не посчитал нужным прийти на праздник.

Но оказалось, что я зря ломала голову: ректор сам представил деканов и даже немножко рассказал о каждом факультете. Не упомянутым остался лишь факультет истинного Чувства. До чего странно: в руководстве тоже забыли рассказать именно о нем!

Дождавшись окончания речи, я вяло похлопала и накинулась на соседку с расспросами:

– Чеккина, а ты не знаешь, почему факультетов восемь, а нам только про семь рассказали?

– Ой, это очень длинная история, давай сперва промочим горлышко, а потом я тебе все расскажу! – Франческа потянула меня к шатрам. Под огромными полотнищами стояли накрытые столы со всяческой снедью. Есть пока совершенно не хотелось, но соседка окинула меня оценивающим взглядом и убежденно кивнула:

– Я знаю, чем тебя удивить! Стой здесь, я сейчас!

Девушка юркнула вглубь шатра, а я подставила лицо ласковому нежаркому солнышку. Все же осень на пороге, скоро дожди зарядят, надо насладиться последним теплом.

– Бесконечно жаль, что я не живописец, верита Фея! Вас необходимо рисовать! Вы могли бы позировать для образов величайших женщин древности, легендарных цариц и даже богинь. Увы мне, увы, я выбрал не ту стезю. – Бархатный голос сочился скорбью. Рядом со мной стоял Шарль Демар. Я моментально вспомнила, как он целовал мне руку, и застеснялась.

– Шарло, ты можешь хотя бы иногда говорить по-человечески, а? – вклинилась в журчание его речи вернувшаяся Франческа. – Вот, держи! – Девушка сунула мне в руку стакан на длинной ножке, наполненный темно-вишневым соком. – Извини, дорогой, на тебя не рассчитывала, так что тебе придется позаботиться о себе самому.

– О, жестокосердная, как ты могла! – Юноша возвел очи горе и трагично прикрыл лоб тыльной стороной ладони. – Хотя я все равно сегодня должен сохранять трезвость рассудка, – вдруг совершенно буднично произнес красавец. – И, да, как видишь, я могу говорить языком простых смертных, но это не вяжется с моим образом.

– Помяни мое слово, небожитель: такими темпами ты скоро забудешь, где образ, а где ты настоящий, – фыркнула в ответ Чеккина.

Пока собеседники препирались, я принюхивалась к странному едкому аромату, исходящему из стакана в руке.

– Да ты попробуй! Это вкусно! – Франческа демонстративно сделала глоток.

Я тоже отпила и скривилась:

– Чеккина, по-моему, сок прокис.

– А это не сок, это вино. У вас, как я понимаю, виноград не растет?

– Нет, я никогда не слышала о таком растении.

– Слышать, может, и не слышала, зато видела уж точно: им здесь все стены увиты. Но в Академии он для красоты, а вот у меня на родине его выращивают именно ради ягод и вина. Вино веселит душу и помогает прогнать печаль! У нас дешевые сорта каждый день пьют, а дорогие – по праздникам. – Заметив, что я ее не понимаю, девушка попыталась объяснить иначе: – Ну, есть у вас какие-нибудь напитки, которые опьяняют?

– А, так это вроде бражки что-то! – догадалась я наконец-то. – А мы ее почти не пьем, сбитень иногда только да пиво на ярмарке.

– Ну-у-у, пусть будет пиво, хотя это оскорбление благородного напитка. Вот считай, что это такое очень хорошее пиво! Пей!

– Да я, в общем-то, и пиво не люблю, – пробормотала и тут же осеклась под сочувствующими взглядами Шарля и Франчески. Лучше бы молчала, теперь ведь совсем как на дурочку смотреть будут. Пришлось сделать еще глоток.

– Так, с вопросами винокурения разобрались, – подытожила моя соседка. – Переходим к следующему пункту программы просвещения! Шарль, ты только представь: Фея ни разу не была в театре! Почему бы тебе не пригласить девушку на один из спектаклей?

– Почту за честь! – Юноша открыто улыбнулся. – Если, разумеется, верита Фея сама желает посетить представление!

– Ой, это было бы здорово, – обрадовалась я. – Чеккина сказала, что вы намного интересней скоморохов развлекаете публику! – Тут же прикусила язык, но, судя по тени, набежавшей на лицо эпопта Демара, сравнение со скоморохами его и впрямь не порадовало.

– Смею надеяться, что ваше мнение останется столь же лестным и после спектакля. – Молодой человек быстро взял себя в руки и вновь улыбался легко и беспечно.

– Должна заметить, что тебе очень подошел бы костюм медведя, – ехидно проворковала Франческа, запуская пальчики в кудри Шарля, – дивно оттенил бы твою внешность.

– Согласен, радость моя, но только при условии, что ты будешь изображать козу! – не остался в долгу эпопт Демар, по-хозяйски обхватывая девушку за талию.

– Я не смогу: это слишком сложный образ, к тому же у меня голос ниже, чем требуется. – Чеккина принахмурилась, словно всерьез раздумывала над предложением.

– Оу… девушки, простите, но вы меня не видели, – внезапно выпалил Шарль и вильнул за ближайший клен.

Мы обернулись, но ничего ужасного не заметили. Единственное – в нашу сторону двигалась странная девица.

Когда я ходила на экскурсию в торговые ряды, видела лавку с дорогущими расфуфыренными куклами. Так вот идущая к нам девушка выглядела точь-в-точь такой же куклой, только в человеческий рост.

Огненно-рыжие волосы взбиты в высокую пышную прическу, усыпанную самоцветами и клочками кружева. Белоснежная, словно фарфоровая, кожа, огромные пронзительно-зеленые глазищи вполлица, алые губки бантиком. Талия такая тонюсенькая, что того гляди переломится. А уж платье! Такого наряда на картинках заезжего купца точно не было: юбка широченная, в двери не пройдешь, разве что боком, плечи голые, а лиф начинается так низко, что грудь почти полностью наружу вываливается. Ткань я определить не смогла, но окрашена она была очень красиво: в бледно-голубой цвет с сиреневым отливом. Кажется, этот оттенок назывался «перванш». С шеи и запястий незнакомки свисали грозди драгоценностей, даже опояска у нее была из жемчуга с какими-то голубенькими камушками.

Я, конечно, понимала, что откровенно пялиться на человека неприлично, но ничего не могла с собой поделать: глаза просто не желали отрываться от такого невероятного зрелища.

Девушка меж тем открыла здоровущий веер и начала им судорожно обмахиваться:

– Ах, какая духота! Даже не верится, что сейчас конец лета, – тоненько проговорила она, поравнявшись с нами.

Резкий взмах ее опахала, и стакан с вином вырвался из моих расслабленных пальцев, щедро заливая светло-серое платье кровавой метиной.

– Пра-а-асти, пожалуйста, я от зноя сама не своя, – наигранно протянула рыжая, двигаясь дальше.

– Вот с-с-терва, – прошипела сквозь зубы Франческа.

– Знаешь, Чеккина, а мне почему-то показалось, что она нарочно меня облила, – пробормотала я, оглядывая испорченный наряд.

– Тебе не показалось, – процедила соседка, буравя взглядом удаляющуюся богачку.

– Но зачем? Я ее первый раз вижу! Что я ей могла сделать?

– Судя по всему, именно от нее позорно сбежал Шарло. Но из ревности доченька Олбанса попыталась бы отыграться на мне, это я стояла в обнимку с ее вожделенной добычей. Значит, просто позавидовала, – пожала плечами Чеккина.

– Ты с ней знакома?

– Не то чтобы знакома, просто Элинор Олбанс знают все. Ее папаше принадлежит добрая половина Веритерры.

– И что же завидного она могла обнаружить во мне? – В такой вариант совершенно не верилось.

– Ты очень красивая, Фея, думаю, тебе многие девушки завидуют. Переодеться, случайно, не хочешь? Или предпочтешь порадовать завистниц изгаженным платьем?

– Но… но она тоже красивая! И намного ярче меня! И богатая к тому же! – Я все пыталась осознать сказанное Чеккиной, но поверить в то, что такая девушка может завидовать мне, никак не получалось. – А талию, талию ты видела? Ее же двумя пальцами обхватить можно! А кожа какая, ни одного изъяна!

– Ты поражаешь меня все больше и больше, – рассмеялась соседка, увлекая меня в сторону Яблоневого общежития. – Впервые встречаю человека, который всех вокруг абсолютно искренне считает красивыми!

– Но здесь и правда уйма красивых девушек! И парней тоже, – стояла я на своем, не обращая внимания на насмешливый взгляд Франчески.

– Фея, да с Элинор Олбанс штукатурку мастерком обдирать можно, а она этого даже не почувствует! И талия у нее в корсет затянута. А уж если бы она только могла предположить, что у тебя коса своя, она бы ее подожгла прям тут же.

– Подожди, что значит «своя»? – Я остановилась как вкопанная. – А у этой Элинор, можно подумать, чужая!

– Ты безнадежна, Фея, – уже просто в голос хохотала Чеккина, дергая меня за руку. – У Элинор на голове шиньон!

Пока мы шли в свою комнату, Франческа рассказывала, к каким ухищрениям прибегают девушки, чтобы выглядеть привлекательнее: специальные краски для лица, накладные косы, особый покрой платьев. Мне такое даже в голову не приходило! Я-то всех искренне считала красивыми от природы.

– Но, Чеккина, ты же при мне одевалась, и я ничего не заметила! Ни корсета, ни красок…

– Ох, милая, я – не показатель! Не забывай, что я артистка! Мы пользуемся таким ярким и густым гримом на сцене, что в обычной жизни хочется дать коже отдохнуть. А корсет певице попросту вреден: он сжимает ребра и мешает правильно дышать. Но бывают случаи, когда я и вне сцены пользуюсь косметикой. Сейчас покажу!

Девушка поставила на стол большой ларец, полностью забитый разноцветными баночками, флакончиками, коробочками, кисточками и какими-то совершенно непонятными штучками.

– А вот это для чего? – указала я на странные полоски не то шерсти, не то ниточек.

– Накладные ресницы. Наклеиваются на веки, чтобы глаза казались ярче и выразительней.

– Великая Веритассия! – только и смогла выдохнуть я, опускаясь на стул. Это что же получается: все, буквально все можно изменить, если уметь пользоваться такими вещами. Зато сразу стало понятно, какой предмет я выберу четвертым:

искусство грима. Точно не помешает, если хочешь найти мужа.

– Фея, у тебя такой вид, словно откровение снизошло, – улыбнулась Чеккина. – Ты лучше скажи: обратно на праздник пойдешь?

– Да ну его! – отмахнулась я, но тут же спохватилась. – А ты иди, конечно, я не настолько кулема, чтоб в общежитии заблудиться!

– Не сомневаюсь, – усмехнулась соседка, – но я все равно скоро иду на прослушивание. Сегодня набор в ансамбль Академии. Кстати, если хочешь, пошли со мной: поддержишь, выступления послушаешь!

– С радостью! Я никогда не была на прослушивании! Наверное, там интересно.

– Нервно, скорее, но простому зрителю должно быть любопытно. Вот и договорились! – Франческа убрала ларец и занялась подкручиванием струн на своей лютне.

– Чеккина, а ты обещала рассказать про восьмой факультет…

– Да, точно! Эта история началась давным-давно…

Оказывается, не все боги воевали между собой. Богиня любви – Прекрасная Аморита – не только отказалась принимать участие в противостоянии, но и пыталась примирить враждующие стороны. К сожалению, она не смогла отговорить остальных богов от напрасного кровопролития. Когда сражение окончилось, боги решили, что мудрость миролюбивой Амориты пригодится в любом государстве. С тех пор богиня любви почитается во всех странах. Она свободно ходит по земле, принося мир и любовь человеческим сердцам.

Некогда Прекрасная Аморита, так же как и Великая Веритассия, передала часть своей силы людям. Факультет истинного Чувства создан специально для тех, кто сумел унаследовать благословение обеих богинь. Это всегда были женщины, и их всегда оказывалось гораздо меньше, чем учащихся любого другого факультета. Выпускниц факультета Чувства именовали ведуньями. Их очень любили в народе, но одновременно и боялись. Говорят, что дар ведуний заставлял окружающих проявлять свою природу и обнажать подлинные чувства.

Но около ста лет назад девушки-ведуньи перестали появляться в Академии. Годы шли, женщины с даром истинного Чувства старели и умирали, а новые так и не появились. Никто не мог объяснить произошедшее, но уже не одно десятилетие факультет Чувства был заброшен. Судачили, будто Прекрасная Аморита поссорилась с Великой Веритассией, потому и перестало действовать благословение богини любви, но даже от Верховного жреца было сокрыто истинное положение вещей.

– Чеккина, а чем вообще занимались ведуньи?

– Я точно не знаю. Вроде бы они умели чувствовать природу… А еще они благословляли браки по взаимной любви, награждая истинные союзы… Ну, или что-то вроде того. Я не особо интересовалась. Ладно, хватит болтать, нас ждет прослушивание!

Прослушивание происходило на факультете Искусства. В огромном зале со ступенчатым полом, уставленном креслами, собрались певцы и музыканты. Они по очереди поднимались на помост, вставали перед бордовым полотнищем невероятного размера и исполняли различные песни или просто играли музыку. Франческа объяснила, что это помещение именуется зрительным залом, а помост – сценой, большая часть которой сейчас скрыта за занавесом.

Чеккина была бесподобна! Она пела, подыгрывая себе на лютне, а у меня на глаза слезы наворачивались, так отзывалась в душе печальная мелодия. Впрочем, другие неофиты тоже красиво пели: кто задорно, кто грустно. А уж инструментов разных сколько звучало – один интересней другого! Будь моя воля, я бы всех взяла в ансамбль. Франческа не разделяла моего восторга, но весело подтрунивала, будто я дикарка, дорвавшаяся до настоящего искусства, которое должно смирить и укротить мой норов. Обижаться я не стала, но в шутку пригрозила оборвать все струны на лютне, а то соседушка слишком много о себе мнит. Девушка изобразила покорность перед лицом грубой силы, но не преминула поразмышлять, сколько ей отвалят куаферы за мою отрезанную косу.

В итоге с ужином мы припозднились и столовую покидали чуть ли не последними. Солнышко уже спряталось за крышами домов, в сгущающихся сумерках на фоне розовеющего неба резко выделялись листья деревьев, одуряюще пахли яблони – хорошо!

Около общежития наткнулись на Шарля Демара, понуро сидящего в тени сиреневого куста.

– Шарло, ты чего такой пришибленный? – заволновалась Чеккина.

– Я раздавлен глубочайшим чувством вины, – сообщил юноша, поднявшись. – Верита Фея, я слышал о том, что произошло на празднике. Я не должен был бросать вас на растерзание этой помешанной. Стыду моему нет предела.

– Перестаньте, верит Демар, вы ни в чем не виноваты. Вы не можете отвечать за действия других людей.

– Ну, вообще-то, конечно, тебе не помешало бы вовремя со своими… кхм… дамами разбираться, – осуждающе заявила Чеккина.

– Вот язва ты все-таки, Франча! – немедленно переходя на нормальную речь, возмутился молодой человек. – Нет бы посочувствовать! Я правда похож на круглого идиота, да? Эта психованная никогда не входила в число моих, как ты изволила выразиться, дам!

– Да ну? А чего ж она за тобой по пятам ходит?

– Игрушку новую ищет! Помнишь, что было с Николя? Вот мне такого совершенно не хочется!

– Не повезло тебе, однако! Элинор Олбанс может изрядно крови попортить! Так и быть, сочувствую. – Девушка похлопала Шарля по плечу.

– Ладно, не нагнетай, что-нибудь придумаю. Простите, верита Фея, ваша подруга выведет из себя кого угодно! А я ведь еще не успел вручить вам этот скромный букет. – В руке эпопта из ниоткуда сами собой возникли сочные стебли шпажника, усеянные крупными лиловыми цветами. – Я надеюсь, что он хоть немного скрасит испорченный праздник. Пожалуйста, возьмите. – Шарль улыбнулся так трогательно, так открыто. Я же порозовела от смущения, но цветы все же приняла.

– Большое спасибо, они прекрасны! – Я вдохнула тонкий сладковатый аромат.

– Так, я не поняла, а мне цветочки? – капризно прогундосила Чеккина.

– А ты, дорогая, не заслужила! Вот когда дочка Олбанса на тебя вино выльет, я, так и быть, подарю тебе незабудочку! – ехидно ответствовал Демар.

– Ладно-ладно, я тебе это еще припомню, – угрожающе протянула Франческа. Впрочем, девушка тут же прекратила кривляться и спокойно спросила: –?Мы так и будем стоять столбами посреди двора, пока кто-нибудь не увидит и не донесет Элинор, кому ты цветы даришь?

– Да, конечно, извините, красавицы, приятного вечера! – Шарль торопливо поклонился и ушел.

Мы же поднялись к себе. Только в комнате я сообразила, что вазы у меня нет, а без воды шпажник быстро завянет.

– Ты забыла, что у тебя самая лучшая соседка на свете! – рассмеялась Чеккина, извлекая из своих запасов массивную стеклянную вазу. – Артисткам часто дарят цветы, – пожала она плечами в ответ на мой потрясенный взгляд.

Глава 7

Свекольник

Звездное небо раскинулось над головой. Ветер взметнул подол платья, растрепал волосы, а как только я с трудом оправила юбку и откинула тяжелые пряди за спину, словно бы в насмешку швырнул в лицо горсть мокрых кленовых листьев. Стоило мне отлепить противные холодные ладошки осени ото лба и щек, как на плечо легла тяжелая рука. Я вздрогнула и развернулась.

Прямо на меня смотрели глаза цвета ночного неба. Мужчина улыбался в усы и не отрывал взгляда от моего перемазанного лица. Опять хотелось бежать, но ноги не отрывались от земли. Снова сердце затрепыхалось где-то в горле, хотя в этот раз мы не танцевали. Во рту пересохло, в ушах противно зазвенело. Я хотела бы потерять сознание, но странные глаза словно вцепились в мою душу, не

позволяя провалиться в забытье.

Кончик его пальца скользнул по моему виску, переместился на щеку, затем ладонь опустилась на затылок. Мужчина усмехнулся чуть шире, а потом наклонился и накрыл мои губы своим ртом. И стало жарко! И душно! И в голове словно вспыхнула радуга, а руки повисли как плети, даже не пытаясь оттолкнуть незнакомца. И жгло в груди, и подламывались колени, и все вокруг завертелось в водовороте рухнувшего на землю неба.

Я распахнула глаза. Светало. Посапывала во сне Чеккина. Моя нижняя губа совершенно онемела. Дотронулась пальцами и поняла, что во сне я ее прокусила. Стараясь не шуметь, поднялась и выскользнула из комнаты. В мыльне глянула на себя в зеркало и чуть не заорала: на подбородке подсыхала полосочка крови, губа распухла, щеки приобрели сероватый оттенок, под глазами появились фиолетовые круги. Краше в гроб кладут!

Долго умывалась холодной водой, размышляя, что за напасть на меня обрушилась. Если вдуматься, то ничего ужасного мне не приснилось: ну, ветер, ну, мужчина, ну, поцеловал. Я, правда, ни разу не целовалась ни с кем, но видела же, как другие целуются – вроде всем нравилось. Сам по себе мужчина был не отталкивающей наружности, хотя красивым я бы его тоже не назвала. Так с чего такой испуг? Раньше хоть музыка была гнетущая или вовсе смертоубийство, а сейчас? И вообще, чего он повадился в мои сны? Нет бы красавец Шарль снился, а тут какой-то незнакомый дядька. Ой, это я сейчас чего такое подумала?

Зеркало услужливо подсказало, что румянец на щеки таки вернулся. Вот тебе, бабушка, и Холодный день. Этак я скоро за парнем бегать начну. Нет, нет, надо душицу на ночь заваривать, и пропади они все пропадом, гости незваные.

С сегодняшнего дня начиналось обучение. Столовая уже битком набивалась неофитами, приехавшими получать образование в Академии. Как я поняла, остальные учащиеся, равно как и преподаватели, ели где-то в другом месте.

После завтрака нам раздали расписания. У меня почти все занятия проходили на факультете Искусства, лишь лекции по этикету читали на факультете Слова. У Чеккины абсолютно все предметы были с факультета Искусства, но пересекались мы с ней только на литературе.

На первом уроке по этикету мы вначале заполняли обширный опросник, охватывающий самые разные сферы жизни. От простейшего: «В какой руке следует держать ложку?» до заведомо сложного для меня вопроса: «Как положено себя вести при возникновении непредвиденных ситуаций во время церемониальных шествий?». Преподавательница объяснила, что это поможет ей понять уровень подготовки группы и выявить наши слабые стороны. У меня слабых сторон явно насчитывалось больше, нежели сильных. А потом до самого обеда мы слушали вводную лекцию о непривычных для веритов обычаях иных стран. Например, в Либерьяне лучшим подарком на Новогодье считается черепок от разбитой чашки. По их поверьям, такой осколок приносит счастье.

А после обеда меня ждал танцкласс: просторное помещение с зеркальными стенами, вдоль которых тянулись деревянные жердины. Вертлявый магистр Ришель согнал всех неофитов в угол зала, а потом вызывал по одному на середину. Вызванному требовалось представиться и продемонстрировать какой-либо танец. Я наблюдала, как двигаются другие, и ломала голову, что показать самой. Почти все наши пляски строятся вокруг какой-то истории и рассчитаны на участие партнера, в одиночку их, конечно, изобразить можно, но будет непонятна суть танца. Единственное, что пришло мне в голову, показать скользящую хороводную проходочку. Конечно, когда танцоров много, можно и змейку завить, и в две линии покружиться, но и сольно очень красиво смотрится девушка, будто бы плывущая над землей. Сказано – сделано. Когда подошла моя очередь, я сложила руки перед грудью и посеменила меленькими шажочками по кругу.

Уж не знаю, что я сделала неверно, но магистр отреагировал на обыкновенную «Березку» слегка раздражительно. Очень странно, ведь многие девочки так вихляли бедрами и изгибались, что срамно смотреть было, у меня же все целомудреннее некуда.

Чуть скривив губы, наигранно-елейным голосом преподаватель обратился ко мне:

– Неофит Ролло, надеюсь, ваша нравственность не будет оскорблена просьбой – совсем немного приподнять подол платья? Только не останавливайтесь.

Ничего оскорбительного я в словах верита Ришеля не углядела. В деревнях все, от мала до велика, женщины носили гораздо более короткие одежды, нежели было принято в городе – никому ведь неохота подолом коровьи лепешки

размазывать! Однако, судя по глумливым улыбочкам на лицах некоторых неофитов, вопрос был с подвохом. Но не предложит же преподаватель первокурснице что-то откровенно неприличное, тем более прилюдно? Я, не прерывая танца, пожала плечами, «расплела» сложенные перед грудью руки и приподняла край юбки.

Магистр некоторое время неотрывно смотрел на мои семенящие ноги, а потом изумленно произнес:

– А теперь отпустите подол и продолжайте движение.

Тут же за моей спиной пробежал шепоток, среди которого раздался басовитый возглас:

– Обалдеть!

– Я склонен с вами согласиться… – задумчиво отозвался верит Ришель. – В смысле: потрясающе! А откуда вы прибыли, неофит Ролло?

– Из Пеньковского уезда, – ответила я, не поворачивая головы и по-прежнему «плывя» по кругу.

– И как у вас там принято танцевать вот этот вот… Да остановитесь уже, я из-за вас мысль теряю! Так как этот танец обычно исполняют?

– Ну, девушки водят хоровод, двигаясь друг за дружкой, иногда держась за руки, иногда кружась. Чем больше участников, тем интереснее фигуры.

– Вы хотите сказать, что у вас многие девушки так умеют?

– Да почти все.

– Невероятно! Знаете, неофит Ролло, а ведь до сих пор я считал подобное бабушкиными сказками. Благодарю вас! Но мы отвлеклись. Следующий!

Я так и не поняла, что уж такого невероятного произошло, но прерывать занятие и задавать вопросы не решилась.

После того как все учащиеся продемонстрировали свои умения, магистр разбил нас на пары. Молодых людей присутствовало несколько меньше, чем девушек, так что некоторым девочкам пришлось танцевать друг с другом. Мне в партнеры достался парень богатырского сложения: высокий, косая сажень в плечах, на руках мышцы литые, словно всю жизнь гири на ярмарке кидал. Впрочем, двигался он на удивление легко, а в лихой пляске, которую демонстрировал преподавателю, вращался вокруг своей оси, словно волчок.

До самого ужина мы отрабатывали совсем легкий на первый взгляд церемониальный танец – ходзонный. Оказалось, что несколько часов ходить рваными шагами, будто тебе все время стараются подрубить колени, приседать, держа спину и голову абсолютно прямо, и контролировать положение рук на уровне плеча – жутко сложно! Я умаялась так, словно весь день сено копнила.

После занятия забежала в общежитие. Чеккины в комнате не было. Взяв рушник, я направилась в умывальню. Освежила разгоряченное лицо, пригладила волосы и отправилась ужинать.

На перилах крыльца сидел мой давешний товарищ по несчастью. До чего же необычная внешность у парня: длинные прямые волосы, спадающие ниже плеч, настолько белые, что кажутся седыми. На висках заплетены косицы. Холодные, пронзительно-синие глаза. Лицо словно из камня вырублено. В сочетании с нехилым телосложением картинка получалась весьма суровая.

Завидев меня, он плавно спустился и окликнул:

– В столовую идешь?

– Да.

– Можно тебя проводить?

– Конечно, пойдем, вдвоем веселее. Только, прости, мне стыдно, но я не запомнила твоего имени…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/karelova_viktoriya/akademiya-istiny

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить